

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Белинская
Friendzone

Анна Белинская

Френдзона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69879706

SelfPub; 2024

Аннотация

– Да что с тобой такое? – жалко сиплю. Степан опускает лицо, бросает взгляд на мои пальцы, которыми я вцепилась в его локоть, и мне приходится тут же отпрянуть, потому что этим взглядом он бьёт меня по рукам. – Я тебя не узнаю, Степ, – сожалеюще качаю головой. – Шесть лет прошло, – напоминает. – Вот именно! Мы не виделись шесть лет и, мне кажется, люди, которые раньше дружили, не так должны вести себя при встрече. Он для меня всегда был лучшим другом. Степа Игнатов – мальчишка, таскающий мне ромашки и растаявшее мороженое. Он уехал практически сразу после одной ночи, которую я не помню, а вернулся спустя шесть лет: повзрослевший, привлекательный, чужой...

Содержание

Глава 1. Юлия	4
Глава 2. Юлия. Спустя два дня	15
Глава 3. Юлия	22
Глава 4. Юлия	32
Глава 5. Юлия	38
Глава 6. Юлия	49
Глава 7. Степан	60
Глава 8. Степан	71
Глава 9. Юлия	77
Глава 10. Юлия	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Белинская

Френдзона

Глава 1. Юлия

Дверной колокольчик задорно тренькает. Он в виде коровы, вымя которой представляет собой этот самый латунный колокол. В качестве сувенира мне подарила его Диана*, когда была на Гоа, ибо придумать что-то более скучное эта девчонка категорически не могла, но я и сама в восторге от этой нелепой вещицы.

Вскидываю голову и смотрю на вошедшего мужчину. Молодого мужчину.

Стойка, за которой я сижу, находится аккурат напротив входной двери, поэтому первым делом утренний посетитель вычленяет меня. Мы встречаемся с ним взглядами, и его глаза тут же заинтересованно вспыхивают, а лицо приобретает приветливое выражение флирта. Но я не обольщаюсь, улыбаюсь ему в ответ, и это не ответная реакция на его внимание. Это рабочая дежурная улыбка продавца цветов потенциальному покупателю. Я не высокомерная стерва, и тем более не зазнавшаяся брюзга, но отвечать на заигрывания в очередной раз, когда новый посетитель клюнет на мое смазливое

лицо, а следом схлопнется, как воздушный шарик, мне надоело.

Я абсолютно точно уверена, что как только встану из-за стойки, этот мужчина, к слову, привлекательный, изменится в лице.

– Доброе утро! – доброжелательно приветствую посетителя, укладывающего локоть на лаковую поверхность столешницы.

Наши глаза находятся примерно на одном уровне, но с разницей в том, что он стоит, а я сижу.

– Доброе! – улыбается мужчина, и его заинтересованный взгляд проходится по моему лицу.

Ему нравится. Я знаю.

Мое лицо и мои длинные волосы, которые я не подстригала со времен школы, нравятся всем. Диана сказала бы сейчас, что такая длина – моветон, а подобные косы носят только в сёлах. Возможно, но у меня рука не поднимается их отстричь, и, судя по блеску в глазах этого мужчины, его они тоже устраивают.

Но это пока. Мое лицо и волосы – единственное, что устраивает мужчин, поскольку смотреть на свою женщину снизу вверх не каждый готов и способен.

– Действительно, доброе! – усмехается мужчина. – Оказывается, вот вы где!

Я непонимающе выгибаю бровь.

– Сегодня по центральному каналу сообщили, что сбежал

ангел и его разыскивают, а он, выходит, прячется здесь. — Он обводит рукой мой салон. — Среди благоухающих цветов!

Я чувствую, как краснею, и уверена, что даже на моей коже, совершенно не белой, проступили пятна.

Комплимент засчитан, и мне становится капельку грустно, потому что ... потому что этот мужчина мог бы мне понравиться.

Смущенно улыбаюсь, давая понять, что его слова донесли до меня то, что он пытался в них вложить.

— Спасибо, — благодарю. — Вам подсказать? — перехожу к делу. Нам с ним определенно не светит, но скидку я ему сделаю. Он был неплох.

Мужчина внимательно меня разглядывает и не торопится отшиваться. Ну ничего, когда я встану, это произойдет само по себе.

Его пальцы приходят в движение, и, настучав незатейливый ритм по столешнице, он задает вопрос, от которого я распахиваю глаза:

— Вы замужем? В отношениях?

А я... я на мгновение теряюсь и отрицательно кручу головой.

— Тогда позвольте пригласить вас на ужин.

Какой приткий и настойчивый! Ну ладно.

— Приглашайте. — Вздёргиваю подбородок.

Мужчина светится, как фонарь, и мне его жаль, но я все равно диктую ему свой номер. Когда он делает звонок на мой

телефон, вопящий из холодильной витрины, я поднимаюсь со стула и с наслаждением слежу за реакцией моего несостоявшегося ухажера, у которого по мере моей выправки отвисает челюсть. Чем выше становлюсь я, тем ниже она падает.

Прохожу мимо него, захожу в холодильник, подхватываю телефон и выхожу. Останавливаюсь рядом, и уже моему новому приятелю приходится запрокинуть голову.

– Как записать? Меня зовут Юля, а вас? – Я вижу, как меркнет свет в его лице. Вижу, как огорчение набрасывает вуаль, и мне тоже грустно.

– Дмит... кхм... – откашливается в кулак. – Дмитрий.

И пока я ему предлагаю, какие цветы можно подарить его сестре на день рождения, остро чувствую, что озадачен он не выбором букета, а тем, как бы тактично слиться.

Кажется, он покупает цветы не глядя, и пока я жду, когда аппарат выплюнет чек об оплате, слышу дверной колокольчик.

Слинял!

Мне не обидно, разве что совсем немного.

Я привыкла.

Мой рост далеко не Дюймовочкин, и это главный мой комплекс.

В моем окружении существует всего один мужчина, который выше меня, пока я без каблуков, и этот мужчина – мой отец. Собственно, его и стоит благодарить за мой гигантский

рост, ведь моя мама едва достаёт мне до плеча. В детстве, когда я превосходила своих сверстников, мне нравилось быть высокой. В подростковом периоде, когда со мной знакомились парни постарше и предлагали встречаться, поскольку выглядела я соответствующе, мне льстило тоже. Сейчас, когда подруги поочередно выходят замуж, я ругаю свои гены, которые, видимо, подзабыли, что я девочка, а не спортсмен NBL**.

Иногда мне кажется, что я до сих пор расту. Хотя понимаю, что это бред. Мой комплекс развился тогда, когда парни стали от меня шарахаться, а мой единственный парень, с которым мы встречались больше года в университете, сказал, что нам нужно расстаться, потому что его друзья считали меня оглоблей, и ему некомфортно, что его девушка видит его перхоть. Мой единственный парень был баскетболистом. Пять лет назад это казалось мне крутым: популярный высокий старшекурсник обратил внимание на меня.

Я знаю, что он женился на миниатюрной девушке, которую носит на руках и крутит на пальце, как баскетбольный мяч. Со мной же... со мной он мог обернуть мои ноги вокруг себя несколько раз, и это, пожалуй, всё.

Я не злюсь на него: не каждый мужчина способен быть на одном уровне с женщиной или ниже нее. Эта закономерность касается не только статуса, но даже и роста. Мужчина желает и должен считать себя выше, так он ощущает уверенность в себе, так у него работают инстинкты защитника,

самца и добытчика. Это не унижение и не проявление чувства мужской неполноценности, так заложено природой, и я это понимаю. Просто я выбиваюсь из гармонии мироздания. Мой рост не для слабонервных не только мужчин, но и для женщин. Миниатюрную женщину хочется оберегать, лелеять ее хрупкость и трогательность, а такие, как я... Наверное, мужчины считают, что мы способны постоять за себя сами.

Именно поэтому я сама создала для себя мир, в котором мне уютно. Возможно, я прячусь. Да, скорее всего, так и есть: я прячусь здесь, в своем цветочном магазинчике, среди благоухающих запахов, и мне комфортно: я не хожу в офис, где в опенспейсе на меня каждое утро будет глазеть сотня человек, пока я буду идти по проходу к своему рабочему месту. Здесь я одна.

Мне нравится общаться с цветами, нравится составлять букетные композиции, но я не социопат. Я люблю живое общение тоже, у меня есть лучшая подруга София, а этот созданный мною мир просто оберегает меня лишний раз от того, чтобы не чувствовать себя не такой, как все.

– Боже! Это рай! – Вместе с трелью коровьего вымени и парами зноя в салон влетает Сонька, моя лучшая подруга. Она взмыленная и покрасневшая. На улице с утра жарит так, что над асфальтом вибрируют раскаленные миражи, а выставленная приемлемая температура для хранения цветов не спасает от нагретых кирпичных стен старинного здания. –

Привет! – Обмахивается рукой. – Есть что-нибудь попить? Желательно, холодное.

Улыбаюсь подруге.

– Привет. Есть морс. – Встаю и обнимаю подругу, по спине которой стекает водопад. – Не стой под сплит-системой. продует, а ты распаренная, – киваю на стул за столешницей, чтобы пристроилась там.

– Тащи! – одобряет София и растекается по сиденью. – Я не выйду отсюда до заката, а может, и до самой свадьбы. Я уже жалею, что мы решили пожениться летом. Надо было осенью, – сокрушается пока еще Игнатова София***, которая через девять дней выйдет замуж.

Наливаю подруге полный стакан прохладного морса, ягоды для которого я собирала в деревне у бабушки Саши.

– Не смотрела прогноз на неделю? – Вручаю Соне напиток и наваливаюсь грудью на столешницу, подкладывая ладони под подбородок.

– А смысл? И так понятно, что на свадебных фото я буду с потёкшим макияжем и недовольным выражением лица! – усмехается Сонька.

Улыбаясь, разглядываю сверху вниз свою лучшую подругу, с которой мы дружим с пеленок. С ее пеленок, потому что я ее старше, и у наших родителей есть фото, где мне чуть меньше года, и я непонимающе смотрю на два орущих свертка с Соней и Стёпой. Я, естественно, этого не помню, но папа рассказывал, что на выписке двойняшек из роддома я реши-

ла, что они – большие куклы, и выпросила поиграть с одной из них, выбрав для себя конверт со Степаном.

С тех самых времен, когда я впервые увидела Соньку, она прилично изменилась. В глубоком детстве, несмотря на то, что дружили, мы частенько ссорились. У Софии скверный характер, а я... я тоже была не подарком. И сейчас, глядя на свои фото у родителей в комнате, где я ломаю деревянный брусок ногой во время аттестации на коричневый пояс по каратэ, мне кажется, что та жизнь была не со мной. Это не я могла завалить на татами двух пацанов, которые поочередно вопили, что в каратэ девушкам не место. Это не я наваляла в детском саду однокласснику, посмевавшему нацепить мои трусы из шкафчика, потому что в свои он случайно надул. Это не я держала в страхе одноклассников вплоть до выпускного из начальной школы, потому что на линейке первоклашек меня обозвали шпалой. Это не я двинула в челюсть старшекласснику, прозванному «Юленькой» скелет из кабинета биологии. Кажется, будто это было не со мной, сегодняшняя я не настолько раскрепощена, чтобы подобным образом решать конфликты, которых предпочитаю избегать, изолируя себя от лишних пересудов, взглядов и перешептываний.

Смотрю на Соньку. Если со мной произошли кардинальные изменения, то подруга с самооценкой на короткой ноге.

А вообще, я ее безумно люблю! Поджав губы, ловлю Сонькин взгляд. Она грустно улыбается мне, поскольку понимает, о чем я сейчас думаю.

Мы переплетаем на столешнице наши пальцы, вкладывая в этот жест всю проверенную годами женскую дружбу.

После свадьбы они с мужем уедут.

Я не хочу лишний раз думать об этом, у меня начинает сжимать в грудной клетке тоска. Я уже тоскую по ней. Но гундосить и портить настроение подруге перед ее свадьбой я не буду, хоть и мандражирую сильнее нее, поэтому сглатываю давящий комок в горле и растягиваю губы в улыбке.

– Ну что, посмотрим? – оживляется Софа. Ее глаза загораются предвкушением.

Согласно киваю и подхожу к подоконнику, с которого подхватываю небольшую коробку, обтянутую белым атласом.

Софи нетерпеливо вскакивает со стула и оббегает стойку.

Как только я водружаю коробку на стол, Сонькин нос уже повсюду пасется внутри, где в моей волшебной коробочке находится рай для девочкиных глаз: разноцветный бисер, атласные ленты разных оттенков, стразы, жемчуг, бусинки и блески. Ныряю пальцами во всю эту мишуру и достаю два браслета.

– Обалдеть! – Глаза Софии распахиваются, и это самая желанная оценка моего труда. – Юлька, у тебя руки точно откуда нужно растут!

Смеюсь.

– Этот – твой. – Вручаю Софии браслет из белого атласа, украшенный прозрачными стразами, напоминающими утреннюю росу на лепестках розы. Не сложно догадаться,

что именно он будет принадлежать невесте на девичнике. — А такие будут у подружек. Если даешь добро, то я продолжу над ними работу. — Кручу в руках браслет в виде пиона из лавандовой ленты.

Мы с Софи и Дианой решили, что все девочки на девичник наденут джинсовые шорты, белые топы и кеды, а на запястья мы повяжем цветочные браслеты. Вместо фаты у Соньки будет заколка-цветок, над которой я корпела целую неделю.

— Ну как? — уточняю я.

— Ты еще спрашиваешь! — Софи крутит рукой, рассматривая свой браслет невесты. — Очуметь, как красиво! Филя, они божественны! — восхищается подруга.

Мне очень приятно.

Они мне тоже нравятся, потому что в каждое свое изделие я вкладываю частичку души.

Я получаю огромное удовольствие от того, что делаю. Когда вижу, как горят глаза невест, глядя на свадебные букеты, которые я собираю самостоятельно, как восхищаются волнующиеся женихи, когда я прикрепляю к карману пиджака бутоньерку, как клиенты благодарят меня за то, что мои цветы поднимают настроение, а созданные мной эксклюзивные композиции растапливают даже самые холодные сердца, — я ощущаю себя счастливой.

— Я рада, что тебе нравится. — Укладываю изделия обратно в коробку. — Привезу, как будут готовы все.

И, кстати, свадебный букет для Софи собираю тоже я, и, признаться, даже она не знает, как он будет выглядеть. Это мой свадебный подарок для любимой подруги, у которой через девять дней я буду свидетельницей.

**Диана – младшая дочь супругов Игнатовых «Идеальные разведенные»*

*** NBL – национальная баскетбольная лига*

****София – старшая дочь супругов Игнатовых «Идеальные разведенные»*

Глава 2. Юлия. Спустя два дня

Как только щелкает замок с внутренней стороны кованой двери, я с первой космической ныряю во двор, чтобы скорее оказаться под тенью виноградных лоз. Жара в этом году беспощадная! В тени под пятьдесят, и это с утра!

Раскаленный воздух плавит легкие и мозги, и в интервале с рассвета до заката город кажется вымершим.

– Привет, Паш! – улыбаюсь пропускающему меня внутрь парню.

– Я – Миша. Привет, – бурчит в ответ и запирает за мной замок.

Хохотнув, поджимаю губы. Я еще ни разу не назвала их точно по именам. Миша и Паша* – одно лицо. Серьезно, они – одно лицо, вышедшее из одного яйца. Кажется, таких близнецов называют однойяйцевыми.

Их сложно различить, но парни и не стараются в этом помочь, одинаково одеваясь, подстригаясь, параллельно вытягиваясь в рост и имея абсолютно идентичные физиономии кирпичом.

– Прости, – каждый раз извиняюсь, чувствуя неловкость.

А Паше... то есть Мише... короче, им обоим до лампочки, они уже привыкли. Кроме тети Агаты, их матери, парней не различает даже собственный отец, мой крёстный дя-

дя Леон. Раньше с этим было проще, примерно до того, как близнецам исполнилось по году. У Миши на заднем месте родимое пятно – это единственное, что отличает братьев друг от друга, но сейчас лазить в штаны к шестнадцатилетним парням не каждый решится: эти двое профессионально занимаются кикбоксингом, и этого достаточно, чтобы держаться от них подальше.

– Привет, Герман! – Треплю за толстую шкурку зажатого под мышкой у Миши английского бульдога. – Жарко тебе, приятель, знаю. – Пес, высунув язык, тяжело дышит. – Гуляете? – перевожу внимание на Мишу, успев поймать его взгляд в глубоком вырезе своего летнего сарафана.

Закатываю глаза.

«Шестнадцать лет», – напоминаю себе. Это для меня они с Пашкой до сих пор гололобые мальчуганы, а что творится в их шестнадцатилетних головах, я даже не собираюсь представлять.

Но надевать сарафан на голое тело в дом, где мужиков – как на стадионе во время футбольного матча, безрассудно, но в такое пекло, когда с меня по спине стекают три водопада, заталкивать себя в поролон – самоубийство.

– Типа того, – басит Миша, побуждая меня поморщиться. Шестнадцать лет... А не скажешь.

Герман аппетитно зевает, чем искренне меня умиляет.

В семье Игнатовых он появился два года назад. После смерти от сердечного приступа шпица Германа тетя Агата

долго не решалась заводить собаку. Она переживала кончину любимого пса очень лично и глубоко. Но два года назад дядя Леон принес в дом маленького бульдога, с которым пришлось смириться. Он тоже получил прозвище Герман. Не знаю почему Игнатовы не рассматривают другие клички, но английский бульдог не против. В общем-то, он не спорит в своей собачьей королевской жизни ни с чем, потому что очень ленивый – настолько, что гулять его выносят на руках. И если Германом попробовать протереть полы, он даже не пискнет.

– Соня в доме? – уточняю, потому как вполне вероятно, что подруга в такую погоду может отмокать в бассейне на заднем дворе.

– Угу.

По тенистой придомовой дорожке устремляюсь к террасе: здесь у тети Агаты цветник, для которого многие растения подогнала я, но ухаживает за ним мой крёстный дядя Леон.

Тяну на себя тяжелую дверь и вхожу, втягивая в себя прохладный кондиционированный воздух. Внешне дом Игнатовых кажется небольшим, но внутри в нем очень просторно, ведь пространство использовано с умом. Агата приложила к его созданию свою творческую руку.

В доме тихо.

Сегодня пятница, и крёстный, уверена, на работе, и тетя Агата тоже. Она очень востребованный в городе визажист, и практически каждая пятнично-субботняя невеста накраше-

на Агатой. У близнецов летние каникулы, и Пашка, наверное, рубится сейчас в приставку или качает свои бицухи, а Дианка в Москве. Она приедет к девичнику. Сейчас у нее напряженный график съемок в модельном агентстве, в котором Ди работает второй год. Именно по этой причине мы не отгуляли холостые дни Сони раньше. Мы все ждем Диану. И хоть организацией как свидетельница должна заниматься я, но наше мероприятие от начала и до конца спланировала Ди. С ролью эвент-устроителя она справляется лучше всех. Я достаточно скромна в этом.

Сбрасываю сандалии и, прихватив подол длинного сарафана, избегаю по лестнице.

Дверь в комнату Сони приоткрыта, и я слышу голос подруги.

Осторожно просовываю голову в проем и вижу, как, стоя у окна, София болтает по телефону.

Вхожу на носочках, но от подруги не укрывается мое присутствие, и она резко оборачивается.

– ... представляешь, даже родителей не предупредил! – негодует Сонька. – Да я сама в шоке, прикинь, каково будет им! – Заметив меня, она задумчиво показывает указательный палец, давая понять, чтобы я обождала минуту. Киваю и подхожу к её рабочему столу, собираясь выложить из сумки браслеты и заколку-цветок. – Ладно, Богдаш, ко мне Филька пришла. – Закатываю глаза. Это прозвище тянется из детства из-за созвучия с моей фамилией – Филатова. – Перезвоню.

Целую.

– Привет! – улыбаюсь подруге и киваю на выложенные в ряд браслеты. – Все готовы!

– Круто! – растерянно отвечает Софи, мимолетно скользнув по украшениям. – Привет!

– Что-то случилось? – хмурюсь и очерчиваю круг напряженного лица Сони.

– Да в общем-то нет... – сомневаясь, протягивает подруга. – Стёпа приехал, – безрадостно сообщает она.

Смотрю на нее и поражаюсь. Она так это говорит, будто приехал не ее родной брат-двойняшка, а седьмой родственник на киселе, с которым не общались лет десять.

– Как?! – вырывается из меня изумленный глупый вопрос.

Стёпа должен был приехать ровно ко дню свадьбы сестры. Но одновременно с удивлением у меня внутри взрываются бомбочки радости. Мы со Степкой не виделись... шесть лет! Целых шесть лет, а она мне так прискорбно об этом сообщает?

– Вот так, никому ничего не сказав. Сорок минут назад, – растерянно оповещает Сонька.

Да что с ней такое?!

Это же крутое событие!

– И где он сейчас? – Мое сердце нетерпеливо подпрыгивает вместе со мной.

– У себя в комнате.

Не раздумывая срываюсь с места.

Малыш Стёпыч приехал!

В груди клокочет от волнения.

Мы не виделись шесть лет!

Шесть лет!

— Ты куда? — слышу в спину. — Юля, стой! Юль! — кричит подруга, но я уже сломя голову несусь на противоположный конец второго этажа, туда, где находится комната Степки.

Я чуть ли ни с ноги вышибаю разделяющую нас с другом дверь, но на пороге меня пригвождает к полу.

Останавливаюсь как вкопанная, боясь даже выдохнуть скопившийся в легких воздух. Я не могу этого сделать, потому что смотрю на ... голые крепкие мужские ягодицы.

Мои глаза непроизвольно жадно их ощупывают и будто бы чувствуют, какие они упругие и натренированные.

С трудом оторвавшись от заднего места Степки, я скольжу взглядом вверх. Цепляюсь за ровные параллельные ямочки на пояснице, а затем долго-долго двигаюсь по рельефной спине и, кажется, бесконечному позвоночнику. И когда я добредаю примерно до лопаток, это чудо мужской природы медленно оборачивается, позволяя мне узнать в этом небо-скребе малыша Стёпу Игнатова.

Натужно сглатываю, когда наши глаза встречаются, и мои... мои находятся ниже его. Это впервые, когда я смотрю на мужчину снизу вверх, и он не мой отец!

Его рука падает, и я, опомнившись, опускаю глаза, заме-

чая зажатое в пальцах влажное полотенце, а потом ... потом я перевожу внимание левее, где примерно на уровне кисти, но ниже пупка, приветственно дергается его...

– Ахаф, ани тсарих миабэш сиар! ** – Хрипловатый женский голос выдерживает меня от созерцания мужских кингсайз-прелестей и переключает на стоящую в дверях смежной ванной комнаты девушку.

Жгучая, черноволосая... она завёрнута в белое полотенце и смотрит на меня с таким же изумлением, как и я на неё.

Ее темные широкие брови соединяются в одну линию, приводя меня в чувства.

– Простите, – еле вытолкнув из себя извинение, ретируюсь из комнаты настолько быстро, что чувствую, как горят мои босые стопы.

**Паша и Миша – младшие дети супругов Игнатовых
(Идеальные разведенные)*

***с иврита – Любимый, мне нужен фен*

Глава 3. Юлия

– Почему ты мне не сказала? – укоризненно бурчу на Софию, копошащейся в холодильнике.

Я сижу на высоком стуле в обеденной зоне на первом этаже и нервно гоняю стакан с водой по поверхности столешницы. Слежу за мельтешащей подругой и пытаюсь унять оголтелое сердцебиение.

– Я орала вслед твоим сверкающим пяткам, но ты...

– Я не про это, – перебиваю ее. Моя агрессия пугает меня саму, потому что я тот человек, который разговаривает с цветами и за мир во всем мире. – Почему ты мне не рассказывала, что у твоего брата есть девушка?

То, что я не дослушала Соню и влетела без стука в комнату Степана – мой косяк, осознаю. Не знаю, на что я рассчитывала, врываясь к взрослому парню, которого не видела шесть лет. Это раньше не было проблемой, и в этом доме я была как родная: мы бегали из комнаты в комнату без преград, но это было в детстве, а сейчас никто из нас давно ни ребенок, но только я, видимо, живу прошлыми пережитками.

– Я сама узнала об этом меньше часа назад! – фыркает Софи. – Представь, я открываю дверь, а на пороге торчит мой брат, который должен приехать за день до свадьбы, с незнакомкой, которую он представил как свою девушку. Когда мы

с ним разговаривали о том, что он придет не один ... – Соня задумывается, попутно выкладывая на стол блюда с нарезанными сыром и ветчиной, – а это было чуть больше недели назад, Стёпа ничего не говорил.

Это действительно странно, с учетом того, что месяц назад родители Стёпы и Сони ездили в Тель-Авив на вручение диплома и после возвращения не заикались о том, что в Израиле у их сына появилась возлюбленная.

Черт! Я чувствую себя неловко за свое поведение. Но я... я просто хотела поскорее его увидеть. Мы не виделись шесть лет. После окончания одиннадцатого класса Степан уехал в Израиль и поступил на медицинский. Об этом я знаю точно. Во-первых, он все детство трезвонил о том, что пойдет по стопам деда и его брата-близнеца. Во-вторых, Сонька на протяжении шести лет была моим основным осведомителем, потому что странички в соцсетях у Степки нет (я искала его, да), а в Россию друг приезжал на каникулы всего несколько раз, и в это время, по удивительной случайности, в городе отсутствовала я. Месяц назад Стёпа окончил Тель-Авивский университет и, как рассказывала тетя Агата, по израильским правилам, выпускники после получения диплома должны пройти обязательную годовую стажировку, поэтому Стёпа остался решать вопросы по практике, а приехать на свадьбу сестры планировал точно к её дню.

– Понятно. – Делаю глоток воды, смачивая пересохший рот.

Мне ничего не понятно. И то, что наличие девушки у Стёпы выбило меня из колеи мне тоже непонятно. Почему меня это задело? Ничего удивительного в этом нет, ведь у него в отличие от меня комплексов по поводу его роста априори быть не может.

– Ты успела ее разглядеть? – София понижает голос и кивает на лестницу.

– Нет. – Кручу головой, понимая, о ком говорит подруга. Я успела увидеть только ее смоляные мокрые волосы и невысокий рост.

– Она мне не понравилась! – Презрительно скривив физиономию, Соня морщится. Она такая: открыто и в лицо может обнародовать то, что думает. Я так не умею. Я умею в своей голове вести переговоры, умею ругаться и мысленно даже послать, но вслух не скажу, по крайней мере, сейчас. До четырнадцати лет я могла двинуть в челюсть. – Её, кстати, Сара зовут, – закатывает глаза подруга под мой нервный смехок.

– Главное, что она нравится твоему брату, а тебе...

– Доброе утро! – стакан в моих руках чуть ли ни трескается от глубокого бархатного баритона.

Я сижу спиной к входу в столовую и ею же ощущаю холодок. Умоляюще смотрю на подругу, но о чем я умоляю, не знаю. Возможно, о спасении меня от неловкости встречи со Стёпой после того, как я нагло ворвалась к нему в комнату. Свой пульс я слышу у себя в ушах. Нужно приветливо раз-

вернуться и попробовать начать нашу встречу с начала, но я сижу, как приклеенная к стулу, и боюсь даже моргнуть.

– Привет еще раз! – отзывается Софи.

Сидеть вот так спиной в гостях (а сейчас я именно так себя ощущаю в этом доме, который для меня, как родной) – нагло и бесцеремонно. Поэтому слегка откашлявшись, кручусь на высоком табурете и поворачиваюсь к парню и ... девушке. Прежде всего я замечаю их сцепленные руки, следом поднимаю глаза и пересекаюсь ими со Степкиными. Ровно секунду они жгут мне сетчатку, а затем устремляются на брюнетку, меняясь в оттенке.

– Доброе ... кхм... утро, – выдавливаю из себя таким голосом, словно я три дня просидела в морозильнике. – С приездом! – растягиваю губы в доброжелательной улыбке.

– Ага, – равнодушно бросает Стёпа. – Сара, – представляет девушку друг детства и оглаживает ее лицо мягким взглядом, совершенно не таким, каким одарил меня секундой ранее. А следом его речь становится для меня журчанием ручья, потому что он переходит на другой язык, и, кажется, это еврейский... или как правильно он называется? Арабский, иврит?

Кошмар!

Стёпа о чем-то говорит этой Саре, на что она неохотно улыбается, а потом смотрит исключительно на меня:

– Шалом лхулам! Наим ляки отха. Ани Сара.*

Надеюсь, мое лицо не выглядит, как у слабоумный, пото-

му что я смотрю на нее и ни фига не понимаю. Оборачиваюсь к Соне, но та тоже не помощник, потому что ее лицо выглядит еще хуже, но она и не старается это скрыть. Не помню, чтобы София владела ивритом.

Нас спасает Стёпа.

– Она рада с вами познакомиться, – переводит он и подталкивает девушку вперед. Они входят в кухонную зону, и друг выдвигает из-под столешницы стул, помогая Саре усесться напротив меня, а сам отходит к кофемашине.

– А мы-то как! – бурчит себе под нос Софи, но слышно всем.

Стёпа никак не реагирует на ее демонстративный выпад, и в целом они ведут себя как раньше: отчуждённо и ровно друг к другу. У них с детства некая холодность в отношениях, хоть они и двойняшки. Это у Миши с Пашкой одна эмоция на двоих, и, кажется, что если одному больно, то и второй ощущает то же самое, а Соня со Стёпой – они с разных полюсов.

Я очень хочу рассмотреть друга. По прошествии шести лет я еле узнаю в нем того щуплого мальчишку, которого помню, но два черных глаза, высверливающих дыру в моем подбородке, не дают мне это сделать.

Наигранно улыбаюсь Саре. Я сижу выше нее, и ей приходится слегка задрать голову. Зато я могу рассмотреть ее. Она, не стесняясь, делает то же самое. Я хочу быть с ней приветливой, поэтому улыбаюсь шире. Она великодушно одари-

вает меня своей улыбкой, скорее похожей на ухмылку, и я чувствую, что не нравлюсь ей.

Я не могу ее осуждать, ведь не знаю, как относилась бы к человеку, который ворвался в комнату моего парня и нагло разглядел всё то, что ниже его пупка. Черт, я опять краснею! От стоящих перед глазами картинок, которыми щедро одарил меня Степан, мои уши горят.

А еще скула. Я касаюсь её и словно стряхиваю с кожи чей-то невидимый взгляд.

Сара заинтересованно гуляет по мне взглядом. Мы обе молчим. Я бы с ней заговорила, но я не знаю иврит. Я даже английский толком не знаю, и моего языка хватает лишь на то, чтобы сказать: «Лондон из зэ кэпитал оф Грейт Британ». Но вряд ли эта информация ее удивит.

Сара симпатичная. У нее какая-то особенная привлекательность: она хрупкая, аккуратная и ладно сложенная. Она не дылда. Кудрявые волосы до плеч высушены и аккуратно уложены. У девушки черные широкие брови и чернящие ресницы, а нос с небольшой горбинкой. Белая футболка оттеняет её загорелую ровную кожу. Черт, она яркая и необычная!

Я ловлю ее взгляд в вырезе своего сарафана. Этот взгляд... он недобрый, и я машинально поправляю лямки платья, стараясь прикрыть свою грудь без верхней части белья. Мне неуютно под ее темным прищуром.

Две чашки с кофе с глухим стуком опускаются на стол. На

автомате перевожу внимание на руки, которые это сделали. Веду глазами по этим рукам: крепкие, жилистые, красивые. Касаюсь плеча и очерчиваю бицепс. Эта гора мышц принадлежит Степану. Он тоже упаковал их в белую футболку, и вместе с Сарой они смотрятся как те самые романтические пары, которые даже одеваются во всё одинаковое.

Не задерживаясь на трицепсе, поднимаюсь вверх по его шее, спотыкаюсь взглядом о выпирающий кадык, очерчиваю подбородок, ямочка на котором всегда меня умиляла... Сейчас же она – единственное, что осталось от того мальчишки, и она не умиляет, а придает парню мужского шарма.

Господи, я не узнаю своего друга детства! Я в открытую рассматриваю лицо Игнатова, а он... он на меня не смотрит, игнорируя мое присутствие. Я – как пустое место. Мы не виделись шесть лет, и я с уверенностью могу сказать, что соскучилась по этому парню, а он, кажется, вообще забыл, кто я такая, и это напрягает.

– Тьюда! ** – Сара поворачивается к Стёпе и благодарно ему улыбается, когда он пододвигает к ней стакан с кофе.

– Может, вы хотите перекусить? – интересуется Соня и встает рядом с братом, а я в который раз за сегодняшнее утро поражаюсь: было время, когда Софи была выше Степана, а сейчас ее голова находится на уровне его плеча. Господи, он что, все шесть лет сидел на удобрениях?!

Я не могу поверить своим глазам! А ещё я всё жду, что мой друг обратит на меня внимание и хотя бы спросит, как у

меня дела, но куда больше его интересует ветчина, которую он с особой изысканностью укладывает на ломтик хлеба и предлагает своей девушке.

Я сижу напротив этой пары и гоняю в пальцах пустой стакан с водой.

– Как дела? – Смотрю на Стёпу, делающего глоток кофе. Его лицо невозмутимо и безэмоционально, когда я спрашиваю, а вот Сара замирает и ловит каждое мое слово.

– Как видишь... – Он равнодушно пожимает плечами, а я ... я готова взорваться!

На меня это не похоже, но и на него тоже. Стёпа всегда был другим. Это Соня отличалась скверным и тяжелым характером, а Степка... блин, да он был милейшим, добрым созданием! Это мое неблагоприятное появление в его комнате так задело? Из-за этого он ведёт себя, как капризная девочка? В чем причина? Можно же не заострять на этом внимание, перевести всё в шутку и поболтать как старые добрые друзья?

«Как видишь...»

Это что за ответ?!

Я ничего не вижу, кроме его пренебрежения и отчуждения, и меня это злит. Что с ним такое?! Сложный перелёт?!

– Филь, может тебе сделать кофе? – Я вижу, как дергается кадык парня после того, как София обращается ко мне.

Удивительно, но в нашей компании подруга старается снять напряжение, которым искрит столовая. Обычно миротворец – я, но сейчас... не знаю... у меня подгорает.

– М-м-м... нет, Сонь, спасибо. Мне уже пора. – Я встаю со стула.

Мне, и правда, пора. Через полтора часа в салон приедет жених за свадебным букетом, который я собрала сегодня рано утром, но основная причина моего побега в том, что мне некомфортно. Я как оплеванная.

– Я тебя провожу, – Сонька подцепляет меня под локоть и вместе со мной вылетает из кухни. Я даже не оборачиваюсь, чтобы попрощаться с Игнатовым и его пассией. – Мама с папой будут в шоке, – шелестит подруга. – Откуда он ее взял?! Неприятная, скажи? – бурчит, как склочная старуха.

– Я не знаю, – поджимаю губы. – Обычная девушка, – вру я. Мне тоже не нравится Сара.

И Стёпе я бы никогда такую не пожелала, но, увидев его сегодня, думаю, что они подходят друг другу.

– Я тебе позвоню. – София лезет обниматься.

– Хорошо, – через силу улыбаюсь и надеваю сандалии.

После обеда Софи действительно перезванивает мне, но не для того, чтобы обсудить сплетни и приезд брата, а для того, чтобы пригласить на ужин, который её родители устраивают в честь приезда сына. Я хотела бы отказаться, но ужин будет семейным, а это означает, что за большим столом в доме Игнатовых соберётся две дружащие сотню лет семьи: Филатовы и Игнатовы, поэтому сегодня вечером я иду с мамой и папой в гости.

**Всем привет! Рада познакомиться! Я Сара – с иврита*

*****Спасибо! – с изрита***

Глава 4. Юлия

– Юлька, че приуныла? – Рядом со мной тормозит дядя Леон. Слегка приподнимаю подбородок и смотрю на крестного, в руках которого дымитесь полный тазик шашлыка.

Пахнет аппетитно, но я не думаю, что сегодня мне что-нибудь полезет в рот.

– Нет, – непринужденно улыбаюсь. – Отдыхаю.

Дядя Леон подозрительно осматривает меня, словно не верит моим словам.

– А София где? – Он крутит головой по сторонам в поисках дочери. – С-с-с, – шипит и морщится, – горячий. – Дует на пальцы, удерживающие эмалированную громадину.

– Они с Богданом поднялись в комнату, – необдуманно брякаю и поджимаю губы, осознавая, как неоднозначно прозвучала фраза. – Ну, в смысле, Соня переодеваться пошла, а Богдану, кажется, по работе позвонили, – тут же исправляюсь.

– А-а-а, – мягко улыбается крёстный. – Ну не кисни, сейчас за стол будем садиться, – подмигивает и уходит к столу, накрытому на террасе на заднем дворе у бассейна. Поздний вечер – время суток, когда можно дышать. Солнце село, давая возможность выползти на улицу, не обливаясь лошадиным потом.

Поэтому решено было накрывать стол во дворе. Здесь очень уютно: фонарики, развешанные по садовым деревьям и отражающиеся в голубой прозрачной воде бассейна, аккуратно подстриженный газон, выстланные диким камнем дорожки, фоновая музыка, настроенная близнецами, и журчащий стрекот сверчков – всё это меня всегда расслабляло, и сегодня я могла бы чувствовать себя уютно, но дядя Леон прав: я страдаю.

Подтянув колени к груди, я сижу в низком ротанговом кресле недалеко от бассейна и ощущаю себя тем самым пятым колесом для телеги.

Сонька удрала с женихом наверх, близнецы сидят в беседке и рубятся в игры на телефонах, папа с крёстным колдуют над шашлыком, а Агата и мама выгнали молодежь, сервируя стол без нашей помощи. Я не знаю, куда себя приткнуть. Мне жутко неуютно. И я хотела бы соврать, что мне нет никакого дела до того, что Степан, мой давний друг детства, меня игнорирует, но меня это чрезвычайно волнует, потому что я все-таки надеялась на этот вечер и на то, что Стёпа уделит мне капельку своего ценного внимания. Но как только мы с родителями вошли в дом Игнатовых, это внимание было подарено всем: моей маме, с которой он долго и тепло обнимался и чуть ли не подбрасывал её к потолку, моему отцу, с которым они мерились ростом, и даже спящему Герману, любезно потрепав того за холку. Мне же достался кривой, скошенный мимолетный кивок в знак приветствия,

и всё. Это единственная эмоция за то время, которое я сижу в одиночестве в кресле и наблюдаю за воркующей парой. Они сидят на террасе за столом.

Мне отлично их видно.

Они снова одеты одинаково, но не выглядят довольными.

Я слежу за ними, да. В те моменты, когда Сара не смотрит на меня, я слежу за ними. И, кстати, она единственная, кто поглядывает на меня этим вечером. Ее колючий взгляд я чувствую открытыми участками своего тела.

Сара сидит на плетеном диванчике, нахмутив брови. Она лупит себя то по щеке, то по руке, отмахиваясь от комаров. Она злится. Я не знаю, как насчет кровопийц в Израиле, но у нас, как только скрывается солнце, вылазят мелкие пакостные вампиры, и каждый горожанин знает, что выходить на улицу, не искупавшись в спрее от укусов насекомых, опасно для жизни. В отличие от нее Степан сидит расслабленно, расставив колени в стороны. Он себя не лупит, и меня удивляет, почему он не позаботился о своей девушке, у которой от злости скоро повалит дым из ноздрей.

Сара поворачивается к нему и о чем-то возбужденно говорит. Я не слышу, но вижу, как она резко вскакивает. Нависнув над Стёпой, ее губы шевелятся, а потом девушка прорывается уйти, но Игнатов поднимается и хватает ее за локоть, притягивая к себе.

По мне пробегают холода от того, что я никогда не видела у друга такого искаженного агрессией лица. Он что-то втол-

ковывает своей девушке, отчего та стискивает губы, а затем смиренно усаживается на свое место.

Они спорят, ругаются?

Прикрыв глаза, Стёпа смотрит, кажется, в никуда, но в ту же секунду я не успеваю спрятаться, потому что его взгляд пересекается с моим всего на сотую долю секунды, а потом вновь ускользает.

Промаргиваюсь от того, что в глазах стало сухо.

Когда я оборачиваюсь к девушке, до меня долетают глухие шипящие звуки иврита, когда Стёпа обращается к Саре, и через несколько секунд он размашистыми шагами направляется в сторону наших отцов.

Я провожаю его широкую спину взглядом.

Жадно цепляюсь за ткань черной футболки, плаваю по коренастому телосложению. Крепкие икры и мощные плечи привлекают внимание, уверена, каждой женской особи, а мое трехкратно, потому что я не узнаю. Я не узнаю в этом Голиафе своего друга детства. И как бы мне сейчас ни было досадно и обидно, но стоит признать, что этот парень чертовски привлекателен.

Когда он успел так вымахать, и самое главное – в кого?! Агата – аккуратная миниатюрная женщина, и даже сейчас в свои пятьдесят один год, она – беспрекословная Богиня. Такая же тонкая, изящная и утончённая, как в молодости. Кажется, что ни одна беременность не испортила ее хрупкую фигуру, зато изрядно поиздевалась над дядей Леоном.

Крёстный немного сдал. За последние несколько лет его виски заметно поседели, а на лице появилась парочка глубоких морщин. Но в целом он все такой же позитивный, потрясающий мужчина, в которого в детстве я была влюблена. Ну мне казалось, что я была влюблена в своего крёстного, потому что в этого мужчину, порядочного семьянина, весельчака и добряка, ну просто невозможно не влюбиться!

Когда Стёпа подходит к нашим отцам, он практически одного роста с моим, но гораздо выше Леона. Они втроем смеются, и три баритона приводят в движение водную гладь бассейна.

Я тоже улыбаюсь. Мне приятно видеть этих близких мне мужчин вместе: папу, над которым время не властно, и, кажется, он даст фору тому же Стёпе; крёстного, улыбка которого освещает этот поздний вечер, и Стёпу – моего друга детства, но отчего-то игнорирующего меня в настоящем.

Мне грустно. Я скучала по нему – по тому мальчишке, таскавшему мне открытки с детскими забавными признаниями в любви; по мальчишке, громче всех «болеющему» за меня на соревнованиях; по тому подростку, который в день своего шестнадцатилетия втайне от всех набил маленькую татуировку под левой грудью в виде витиеватой буквы «Ю»; я скучаю по тому парню, который встречал меня на первом курсе после занятий с подтаявшим мороженым в руках. Это всё было так мило, по-детски наивно и несерьезно, но искренне. Мы дружили. А сейчас? Что произошло сейчас? Его

настолько оскорбило мое бесцеремонное вторжение в комнату? Согласна, вышло неудобно, но я бы извинилась, мне не сложно. Так он дистанцировался. А мне так хочется с ним поболтать. Расспросить, как он жил все эти годы, откуда взялись безупречные кубики на его прессе и литые мышцы на руках, узнать о его учебе и поделиться своими достижениями, а он... он просто вычеркнул меня из своей жизни, наверное, вместе с той самой татуировкой. И я могла бы набраться и смелости и наглости, чтобы спросить у него лично, но... темноволосая девушка охраняет его, как Федеральная Служба Безопасности, не оставляя Стёпу ни на секунду.

Грустно вздыхаю, чувствуя жжение на скуле. Прикасаюсь к щеке и поворачиваю лицо, встречаясь с черным прищуром Сары.

Глава 5. Юлия

Я гоняю по тарелке кусок шашлыка, к которому ни разу не притронулась, демонстрирую максимальную озабоченность его прожаркой, но на самом деле мне на него плевать, даже если бы он был из динозавра.

Меня посадили напротив Сары и Стёпы. Я не прячусь от них, но испытываю дискомфорт.

– Степ... кхм... – откашливается тетя Агата и нарушает тишину, которая установилась после того, как крёстный провозгласил первый тост в честь приезда сына и его «подруги» (так он окрестил Сару, но думаю она не в обиде, потому что понимает русский язык так же, как я иврит). – Почему Сара не ест шашлык? Она вегетарианка?

Я поднимаю лицо, которое до этого прятала в своей тарелке, и смотрю вперед. Действительно, на блюде девушки аккуратной горкой разложен овощной салат, заправленный растительным маслом. Кажется, что все вокруг тоже перестают жевать и смотрят в тарелку Сары.

Стёпан невозмутимо оставляет вилку на салфетке и откидывается на спинку плетёного диванчика, на котором они с Сарой сидели с самого начала вечера.

– Нет, она ест мясо, но только кошерное. Сара – еврейка, мам. – Стёпа насмешливо выгибает бровь по типу «Тебе ли не знать?».

Молниеносно перевожу взгляд на Агату, которая после слов сына закашливается сильнее и хватается за стакан с водой. Обмахиваясь свободной рукой, тетя судорожно делает огромные глотки. В ее тарелке несколько кусков свиного шашлыка, а Агата наполовину еврейка.

– Сын, – вклинивается дядя Леон, порицательно глядя на Стёпу, – а ты мог бы и предупредить, что Сара придерживается правил иудаизма. Мы бы... сообразили куриный шашлык, правда, милая? – Леон поворачивается к Агате, и они безмолвно разговаривают между собой, будто только им двоим известен скрытый смысл сказанных Леоном слов.

Агата вновь кашляет и стучит себе по груди.

– Не страшно, пап, – усмехается Стёпа, складывая руки на груди. – Сара не останется голодной этим вечером, – посмеиваясь, изрекает он.

Одновременно с Агатой закашливается моя мама, и только мой отец расслабленно смеется и одобрительно показывает Степану поднятый вверх большой палец.

Я одна чего-то не понимаю?

А нет, не одна, потому что после прозвучавшего имени Сары девушка смотрит на Стёпу круглыми вопросительными глазами. Должно быть, ей более некомфортно, чем мне, потому что, не улавливая смысла, я хотя бы понимаю саму речь, а она вообще как в вакууме. Мне даже становится ее жаль.

Стёпа поворачивается к своей девушке и с обаятельной

ухмылкой, понизив голос, шепчет:

– Халайла мхаке лану лайла кхам. Кэн, мотек? *

Сара смущенно поджимает губы, но тут же испуганно вздрагивает под резкий вскрик тети Агаты:

– Стёпа! – каркает та, возмущённо округляя глаза и краснея, как рак. – Твоя мать наполовину еврейка! И я еще помню иврит! – И выгибает бровь так же, как это сделал ее сын несколькими минутами ранее, намекая на «Тебе ли не знать?».

– Прости, мам! – смеется Стёпа, слегка запрокинув голову.

Я бы хотела полюбоваться смеющимся другом, но в другом месте и в иное время, а не тогда, когда Агата злобно зыркает на сына, стиснув губы в тонкую, еле заметную линию. Никто за столом не понял, о чем они трое говорили, и это напряжение коснулось всех, кроме близнецов, наярывающих, как в бездонную бочку, шашлык, и Германа, спящего у водяного распыскивателя.

Я не знаю, как тетя Агата отреагировала на появление Сары, я не знаю, как вообще ее приняли в доме, но то, что мамина лучшая подруга поглядывает на девушку настороженно, говорит о том, что она не в восторге. Но у Агаты своеобразный характер, и я не знаю, кем должна быть та, которая достойна ее любимого сынка. А вот дядя Леон крайне обходителен и доброжелателен, но он по своей натуре такой, кто примет даже адвентистов Седьмого дня.

– Стёпа! – звенит голос моей мамы. Она выглядывает из-за плеча папы и растягивает губы в улыбке. Моя мама психолог, и понять, что ситуацию за столом нужно спасать, для нее не проблема. – Я еще раз хочу поздравить тебя с окончанием университета. А какую ты специализацию выбрал?

Парень ставит один локоть на стол и разворачивается к моей маме, чтобы было удобнее иметь с ней зрительный контакт.

– Спасибо! – Его улыбка приторная до тошноты. Он раздает ее всем, кроме меня. – Пластический хирург, – поясняет он.

У меня челюсть падает в тарелку. Уверена, звук ее падения слышат все, потому что в ту же секунду мой бывший друг поворачивается ко мне и нахмурено смотрит мне в глаза с читаемым в его взгляде вопросом: «Что-то не так?»

– С таким ростом? – Кажется, это мой голос.

Ну да, совершенно точно эту несусветную чушь спросила я.

Господи, я чувствую, как мои щеки печет!

Теперь все присутствующие смотрят на меня, делая центром внимания. Я не люблю быть в центре внимания.

Даже Герман поднял голову и сдвинул толстую шкуру на лоб, ментально изрекая: «Это спросила рельса длиной в 180 см?»

Рядом куском мяса давится Сонька.

– А что с ним снова не так? – Степан подается корпусом

вперед, заставляя меня прижаться к спинке ротангового стула.

В смысле «снова»?

Стёпа смотрит так, что мне хочется расслабить пуговицу на джинсах. У меня скручивает живот.

Мы говорим? У нас диалог?

– Я... – Мои глаза мечутся. Я не знаю, что ему ответить на мой бред, когда своими глазами он оставляет борозды на моем лице.

– Пластический хирург! Невероятно! – спасает меня мамуля. – Будешь делать людей красивыми и счастливыми! – восторгается.

– Ага. И Саре своей нос подправишь, – не отрываясь от мяса, вворачивает один из близнецов.

– Павел! – рывкает крёстный под угарный ржач второго близнеца.

– Я – Миша. – Пацаны ударяются кулаками в знак взаимного одобрения.

Кошмар!

Я не чувствую ног. У меня ватное тело, и, кажется, мне сейчас стыдно за всех присутствующих за столом.

Что происходит?!

– Отхватишь сейчас, – брякает Стёпа, беззлобно глядя на младшего брата, который в ответ показывает ему средний палец.

Господи!

Я слышу, как рядом ржет Богдан, вижу посмеивающегося в кулак папу, изумленную тетю Агату и сердитого Леона, но больше всего меня пугает взгляд Сары, которым она сверлит меня, будто во всем этом происходящем безобразии виновата я.

– Или, как вариант, сделаешь ей сиськи, а то она весь вечер на Юлькины с жадностью смотрит, – следом подхватывает Павел, и два брата пожимают друг другу руки, мол, «дай пять, бро, шутка удалась».

Если до этого я считала, что вечер безвозвратно испорчен, то глубоко ошибалась. Его апогей случился сейчас, когда в зоне моего декольте после слов близнеца пасутся, кажется, все глаза этого стола. Но самый обжигающий взгляд, который я успеваю поймать, принадлежит моему другу детства. Он тоже смотрит на мою грудь, а потом переводит внимание на веселящихся младших братьев.

– Ну-ка рты закрыли! Оба! – рывкает дядя Леон так, что мурашки, возникшие от взгляда Стёпы, вмиг разбегаются, расталкивая друг друга. – Иначе вылетите из-за стола!

– Да мы прикалываемся, па! Она все равно не понимает! – ржет один из близнецов, намекая на Сару.

А она действительно не понимает и поочередно переводит внимание на каждого, с немим вопросом: «Что здесь происходит?»

Должно быть, это очень сложно – чувствовать себя глухо-

немой среди галдящей толпы. Я сочувствую ей. Искренне.

Агата отвешивает подзатыльник рядом сидящему с ней близнецу:

– Засранец!

– Да за что?! – возмущается, кажется, Миша, почесывая затылок. – Это он сказал, а не я, – кивает на брата.

– Передай тогда ему, – Агата подбородком указывает на второго близнеца и отвешивает еще один подзатыльник.

– Держи, просили передать! – Миша хлопает брата по лбу, и оба начинают дурковать за столом, шутливо раздавая друг другу лещей.

Богдан ржет. Он мало говорит, зато много смеется.

Дядя Леон обречённо качает головой, глядя на младших детей. Тетя Агата выглядит так, будто узнала, что снова беременна. Моя мама улыбается, но не искренне, потому что, я уверена, у себя в голове она, как психотерапевт, каждому сидящему за столом уже давно выставила неутешительные диагнозы. Мой папа тоже улыбается, но искренне и ободряюще, всему этому творящемуся балагану. У Софии застыло на лице выражение, как у Агаты, и только единственного человека за столом всё забавляет – это Степану. Откинувшись на спинку стула, он лукаво почесывает правую бровь и поглядывает на веселящихся близнецов.

Мне это непонятно.

Почему он не защищает свою девушку? Почему позволяет подшучивать над ней? Ну и что, что она ничего не пони-

мает? Ему же должно быть за нее обидно и неприятно? Или я слишком наивна?

– Стёпа, а как вы познакомились с Сарой? – Мама вновь пытается спасти этот вечер и увести разговор в иное русло.

Я расправляю уши. Глядя в свою тарелку, обращаюсь в слух и замираю, потому что мне тоже жутко интересно, как это произошло. Я не смотрю на парня, чтобы он не понял, насколько жадно я буду хватать сказанные им слова.

Но Игнатов не торопится отвечать. Его молчание заставляет меня поднять лицо и посмотреть на него. И то, что я вижу, поражает меня с новой силой: Стёпа сидит и, прикрыв глаза, а рот – кулаком, трясется в мелком беззвучном смехе.

Да что это такое?!

Шумно выдохнув, парень открывает глаза и, словно собравшись с духом, изрекает:

– На приеме.

– М-м-м?! – Мама заинтересованно выгибает бровь. – А я думала, вы вместе учились.

– Нет. Сара не медик. Она работает на фирме у своего отца.

– Вон как! Интересное знакомство! – любезничает мамуля. – Сара пришла на прием, а ее встретил такой красивый молодой врач! – Она поигрывает бровями.

Стёпа улыбается, являя этому позднему вечеру блеск своих белоснежных зубов.

– Примерно всё так и было. Только я пока не врач. Ста-

жер, — поясняет он.

— Я в тебя верю, — подмигивает ему мамуля.

— А че за прием? — встревает в разговор, кажется, Паша.

Стёпа переключает внимание на него и широко улыбается, отвечая:

— Консультация.

— Консультация по поводу увеличения сисек? — вклинивается второй близнец, и этот вечер вибрирует под взрывом хохота братьев. Близнецы отбивают друг друга «пять» и скрючиваются в истерическом припадке смеха.

— Вышли отсюда! — не сдерживается дядя Леон и ударяет ладонью по столу, отчего мы с Сарой подпрыгиваем. — Оба!

— Ну всё, кабзда! — ржет Паша и тянет за локоть своего брата, вставая из-за стола.

Богдан стирает слезы с глаз.

А я ... мне нужно выстирать все свои вещи, которые надеты на мне, потому что от всего этого я взмокла.

И пока у дяди Леона валит дым из носа, близнецы, не переставая ржать, покидают нашу идиотскую компанию.

Мне жаль Сару, но сейчас я искренне рада, что она не понимает нашего языка и не слышит всего этого безумия, иначе решила бы, что за этим столом собрались все те, кого не обошел стороной Чернобыль.

— Надо выпить, — подает голос папа, и это самое правильное, что прозвучало за весь этот вечер.

Мой родитель берет на себя полномочия дяди Леона и на-

полняет фужеры, пока крёстный приводит себя в чувства.

Когда очередь доходит до меня, папа отставляет бутылку вина и наливает мне компот. Но сейчас я не отказалась бы от чего-то покрепче.

– Юль, а ты че? – Богдан, жених Сони, выглядывает из-за ее плеча и кивает на мой компот. – Воздерживаешься?

– Я не пью, – пожимаю плечами.

– Совсем? – удивляется Бо.

– Совсем, – подтверждаю и ощущаю на себе пристальный пронизывающий взгляд. Это смотрит не Сара. У нее взгляд колющий, а этот... другой.

Поднимаю голову и вижу сощуренные глаза Стёпы на моем лице.

Мои ладони становятся влажными, а его мысли я читаю в его взгляде.

Он... помнит?

Последняя капля алкоголя во мне была шесть лет назад. С того самого дня я больше ни разу не притронулась к спиртному.

– Похвально! Трезвая свидетельница на свадьбе – залог ее успеха, – философствует Богдан, выдергивая меня из ушата, полного моего стыда.

Улыбаюсь жениху Сони, подмечая периферийным зрением, как подруга задумчиво меня рассматривает, а потом так же задумчиво смотрит на Стёпу, чему-то усмехнувшись.

– Кстати, насчет свадьбы... – Агата ставит локти на стол

и укладывает подбородок на сцепленные пальцы. – Соня, – обращается к дочери, – звонила Диана. Она взяла билет на среду.

– Как?! – удивляется подруга. – У меня в среду девичник, она обещала приехать во вторник.

– Она прилетит утром. Ничего криминального в этом не вижу.

– Степ... – Богдан смотрит на Игнатова. – Пока девчонки будут размазывать сопли под «Грустный дэнс», оторвёмся на мальчишнике в среду? – смеется и получает тычок в плечо от Софии.

– Э-э-э! – нахмуливает брови подруга. – Я тебе потом тоже кое-что оторву! – произносит угрожающе.

– Да шучу я, Сонь! Мы с мужиками в церковь сходим, свечку поставим, всё прилично будет! – смеётся и вновь уворачивается от Сонькиной оплеухи.

– Вот и прекрасно! – продолжает Агата. – Степан пойдёт на мальчишник, а Сару девочки с собой возьмут на девичник, да?

И пока у нас с Соней мозг обрабатывает слова тети Агаты, откуда-то из-за наших спин доносится низкий баритон:

– Ну всё, всем кабзда!

**Сегодня нас ждет горячая ночка, правда, малышка? – с иврита*

Глава 6. Юлия

Кожа под джинсами взмокла. Герман лежит у меня на коленях, как грелка, но он так вкусно спит, что мне жалко его сгонять.

Погружаюсь пальцами в его толстую шкурку, массируя парня. Он похрюкивает, а я, как идиотка, смотрю на Стёпу и Сару.

Мы переместились к бассейну. Здесь прохладней, и брызги, долетающие от ныряющих в воду помилованных близнецов, приятными каплями оседают на разгорячённой коже.

Музыку выключили, потому что время достаточно позднее, а от соседского двора дом Игнатовых отделяет только тонкий забор из профнастила. Зато мне отлично слышен разговор Стёпы и Сары, и пусть я не понимаю, о чем они говорят, но по интонациям ясно, что пара расслабленно беседует. Они сидят на ротанговых стульях близко к друг другу. Стёпа лениво потягивается, поднимая руки вверх, а Сара жадно выхватывает открывшийся из-под его футболки участок оголенного живота. Она имеет право смотреть, а я – нет. Поэтому ворую чужое.

Сара приподнимает руку и пробегается пальцами по его животу, отчего Стёпа напрягает живот и несколько хмуро смотрит на свою девушку. За всё то время, что я за ними

наблюдаю, это касание Сары – самое интимное и откровенное. До этого ребята не позволяли себе никаких вольностей. Они ведут себя сдержанно, открыто не проявляя чувств, но, наверное, это правильно: Сара пока незнакомый, чужой для всех человек.

Пластический хирург... Надо же!

Это, должно быть, престижно и прибыльно. Я такая дура, когда ляпнула про рост Стёпы! До сих пор ощущаю на себе изумленные взгляды наших родителей. Почему я решила, что хирург не может быть крупным и высоким? Наверное, именно такие крепкие и большие руки должны говорить о надежности и вере врачу.

Пластический хирург... Это очень ответственно. Да. Ему определенно подходит.

Степка всегда отличался ответственностью, покладистостью и основательностью. На него можно было положиться. А сейчас я не знаю, какой он, и это незнание отчего-то огорчает.

Но я все же надеюсь, что когда-нибудь нам удастся нормально поговорить. Когда моя мама спросила у Стёпы, надолго ли они приехали, он неопределённо пожал плечами, ответив, что обратный билет еще не покупал. У него начались каникулы перед серьезной стажировкой, и в течение года он вряд ли сможет вырваться в родительской дом, поэтому, как сказал Стёпа, он хочет по максимуму побыть в родных пенатах. Значит, у меня есть шанс.

Тяжко вздыхаю и улавливаю на себе Сонин взгляд.

Как долго она вот так на меня смотрит, нежно улыбаясь и с легкой грустинкой в глазах ласково оглаживая мое лицо? Успела ли она заметить, как я пялилась на ее брата?

Они с Бо сидят рядом. Ее жених с опущенной головой юзает в телефоне.

– Спит? – киваю на Германа, чтобы отвести от себя ее пристальное внимание.

– Спит, – улыбнувшись, отвечает Софи, не взглянув на собаку.

– Степ, ты в дом? – Голос Агаты заставляет нас с Соней оторваться друг от друга и посмотреть в ту сторону, где наши мамы разливают чай. Парень кивает, успев стащить из пиалы конфету. – Захвати еще одну чашку, – просит Агата.

Провожая взглядом спину Степана и смотрю на Сару. Девушка сидит одна, закинув ногу на ногу и покачивая стопой.

– Богдаш, вставай! – Поворачиваю голову и вижу возвышающуюся над парнем Софию. Она тянет своего жениха за руку, принуждая подняться. – Отлипни от телефона! Давай! – Богдан непонимающе убирает девайс в карман и вопросительно смотрит на Софию. – Пошли. Я хочу поболтать с Сарой, а ты единственный владеешь английским чуть выше уровня «лузер».

– Сонь, я ничего не помню, – отнекивается Бо, но послушно встает.

Я нахожусь в таком же непонимающем состоянии, что и

парень.

– Вот и вспомнишь. Пошли. – Соньке действительно удастся утащить Богдана и перехватить Сару, которая успела вскочить с кресла.

Они вдвоем атакуют девушку, взяв её под руки по обе от нее стороны.

Взгляд Сары взволнованно мечется по их лицам, а я... я замечаю, как Сонька мне заговорщически подмигивает.

В смысле?

Хмурю брови и мимикой спрашиваю: «Что?».

И когда Сонькино подмигивание становится похожим на нервный тик, а глаза удручённо закатываются а-ля «ну ты и дубина!», меня озаряет.

Сбросив под недовольное ворчание Германа в лужу рядом с бассейном, вскакиваю со стула и под Сонин взгляд «да неужели!» несусь в дом.

Закрыв за собой дверь, прислушиваюсь к звукам.

Я слышу удары своего сердца и пульсирующую в ушах кровь. Дышу рвано и быстро, но это не от того, что моя дышалка сбоит вследствие отсутствия в сегодняшней моей жизни спорта, поскольку это не повод растерять ту форму, с которой я крошила кирпичи во время кумите на татами в прошлом; мое дыхание частое от предвкушения встречи.

В доме мы одни: я и Стёпа.

Не знаю, для чего это нужно было Софи, но сейчас я ей благодарна.

Звуки глухих хлопков доносятся из кухни. Впрочем, то, что парень там, подсказывает свет, льющийся только оттуда, потому что в остальных частях дома темно.

Сбрасываю балетки и бесшумно двигаюсь в сторону столовой.

Мои стопы вспотели.

Уверена, я оставляю после себя влажные следы на ламинате, но я нервничаю и ничего не могу с этим поделать. Мои ладони тоже влажные.

Останавливаюсь в дверях и замираю, глядя на то, как Стёпа поочерёдно открывает навесные ящики кухонного гарнитура. Во мне что-то щелкает, отбрасывая на много лет назад в эту самую кухню, где мне шестнадцать, а ему пятнадцать.

Черт!

Гоню ненужные воспоминания и разглядываю спину чертыхающегося парня.

Боже, он великан!

И я ловлю себя на мысли, что люблюсь его видом сзади: этой мощной спиной, руками, темной вихрастой шевелюрой и крепкими ногами. От того тощего мальчишки ничего не осталось, и от парня, встречавшего меня после занятий с букетом ромашек, тоже. Передо мной молодой мужчина, от которого мои распущенные волосы на корнях шевелятся.

Я вижу, как напрягаются плечи парня, а затем он обречённо утыкается лбом в один из шкафчиков, тяжело выдыхая.

Этот звук... похож на скупой мужской крик беспомощно-

сти, и он проникает мне в самое сердце.

Стёпа так расстроился из-за того, что не может найти в собственном доме посуду, или его гложет что-то другое?

Осторожно ступая, я подхожу и, не подтягиваясь на носочках, открываю соседнюю створку, тихо сообщая:

– Чашки здесь.

Стёпа вздрагивает и поворачивает ко мне лицо.

На мгновение я вижу, как он прикрывает глаза – те самые, мягкие, добродушные и до мурашек знакомые, а когда открывает – в них снова арктический холод и беспощадное равнодушие.

– Привет, – говорю я ему.

– Привет. – Мазнув по моему лицу мимолетным взглядом, Стёпа поднимает руку и прихватывает чашку с верхней полки.

Я смотрю на него. Принципиально, демонстративно, не отрывая от него своего острого внимания, чтобы он с мельчайшими составляющими смог прочувствовать силу моего внутреннего возмущения.

Смотрю на то, как Степан ставит чашку на стол, а затем разворачивается и, упираясь задней стороной бедер в край столешницы, складывает руки на груди.

Закрывается от меня, смотрит исключительно вперед, но не сбегает, и я решаю, что это неплохое начало.

– Степ, ты меня игнорируешь? – Я не знаю, насколько знаний языка Богдана хватит, чтобы удерживать Сару, поэтому

спрашиваю о главном. О том, что сейчас меня интересует больше всего.

Вместо ответа – легкая ухмылка и взгляд в окно.

– Абсолютно нет, – следом бесцветно изрекает он.

– Нет, – подтверждаю сама себе сказанное им, чтобы почувствовать значение этого слова, соотнести его к поведению друга и понять: может, я слишком много к себе требую? – А как тогда? – все же уточняю, потому что... ну не вяжется.

Он по-прежнему смотрит в окно, в котором маячит поздний темный вечер. А в кухне светло, и я разглядываю его профиль, ничего не говорящий мне о его эмоциях. Их просто нет на его лице.

– Как? – вновь хмыкает он.

Меня подбрасывает. Натурально подбрасывает!

Никогда, находясь рядом со Стёпой, я не чувствовала такого негодования. Я вообще уже давно не чувствовала того, что ощущаю конкретно сейчас, потому что нашла для себя гармонию, устроила для себя тот мир, в котором находилась в полном созвучии с собой, а сейчас... выхожу из-под контроля. Мою гармонию разрушает лучший друг моего детства. Человек, с которым рядом находиться было сродни тому, как в зимнюю стужу прятаться под теплым мягким пледом.

Меня буквально выворачивает от того, что я разговариваю с его ухом!

Хватаю его за локоть и насильно разворачиваю к себе лицом. Эта скала не сопротивляется.

Стёпа поворачивается и смотрит на меня так, что я начинаю жалеть, что вообще решилась заговорить с ним.

– Да что с тобой такое?! – хотелось прокричать, но жалко силлю. Друг детства опускает лицо, бросает взгляд на мои пальцы, которыми я вцепилась в его локоть, и мне приходится тут же отпрянуть, потому что этим взглядом он бьёт меня по рукам. – Я тебя не узнаю, Степ, – с сожалением качаю головой.

– Шесть лет прошло, – напоминает он.

– Вот именно! Мы не виделись шесть лет, и мне кажется, люди, которые раньше дружили, не так должны вести себя при встрече.

– А как должны? – Стёпа обводит контур моего лица, не задерживаясь ни на чем. Просто мимолетно касается глаз, носа, губ и моих пылающих щек. Меня трясет внутри. Вполне вероятно, это заметно даже снаружи, потому что от отчаяния и его идиотских односложных ответов и таких же вопросов я впервые за десять лет хочу применить тюдан*, чтобы выбить из него всю непонятную дурь.

– Хотя бы притвориться, что рад этой долбаной встрече! – я ору.

Я ору и толкаю его в грудь.

Совершенно неожиданно для меня Стёпа перехватывает мои кисти и поднимает их над головой. Затем притягивает

к себе настолько близко, что жар его дыхания плавит кожу на моем лице.

Испуганно смотрю в его ореховые глаза. Сейчас я ощущаю себя маленькой, карликом, а не бесконечной дылдой.

Он сжимает мои кисти над головой так, что они леденеют от недостаточности притока к ним крови.

– А если я не рад? – хрипит мне в лицо.

Мой взгляд мечется по его лицу, царапается о его проступившую щетину, проваливается в маленькой ямочке на подбородке, карабкается по острым пульсирующим скулам и тонет в глубокой горизонтальной складке на лбу.

Он взбешен. Но и я тоже.

Не рад?!

Тогда пусть катится обратно в Израиль, а лучше – к чертям собачьим!

И я хочу ему об этом сказать, но не успеваю, потому что:
– Стэф! Ты где? **

Взволнованный голос Сары заставляет меня напрячься и повернуть голову на исходящий из прихожей звук.

Я с силой выдёргиваю свои руки. Слышу, как торопливо шлепают по полу стопы девушки и приближаются к нам. Разворачиваюсь и собираюсь убраться отсюда поскорее, но мое запястье перехватывает огромная лапа.

Я оборачиваюсь, и пока посылаю глазами парня туда, куда не успела послать словами, он разжимает мой кулак и что-то в него вкладывает.

Я резко одергиваю руку.

– Вот ты где! – Сара влетает в столовую и замирает в дверном проеме.

Мне плевать, что она подумает!

Мне плевать и на её придурошного парня тоже!

Я проношусь мимо нее ураганом, разве что не задеваю плечом.

Сую ноги в балетки, от души пихнув стильные вьетнамки Сары, и выскакиваю за дверь.

Я не собиралась с ним воевать. Я просто хотела поговорить. Но если ему ни черта не сдалось наше прошлое, то мне теперь тоже.

– Юль, чай будешь? – обращается ко мне мама, когда я пролетаю мимо стола.

– Нет. Я домой, – грубо отвечаю ей и не смотрю ни на кого, хотя чувствую, что внимание всех обращено к моей персоне.

Я знаю, что мама удивлена, поскольку для них с папой я должна была быть трезвым водителем и отвезти нас троих домой.

Думаю, не будет проблемы вызвать такси, потому что я собираюсь покинуть место, где *«мне не рады»*.

Слышу, как Софи кричит мне в спину, но я хочу побыть одна.

Мне это крайне необходимо. За сегодняшний вечер внимания ко мне было слишком много.

И когда, выйдя за территорию дома Игнатовых, я подхожу

к припаркованной машине, только тогда я выдыхаю и в полной мере могу контролировать свои ощущения и действия.

Мои руки, сжатые в кулаки, расслабляются, и я вспоминаю, что всю дорогу что-то крепко стискивала в пальцах.

Поднимаю руку и раскрываю ладонь, на которой поблескивает в свете уличного фонаря... конфета?

**ёко-гери тюдан – удар ребром стопы в корпус или в голову в каратэ*

*** Речь Сары на иврите*

Глава 7. Степан

От автора: в главе диалоги между героями происходят на иврите

– Стэф!

Не оборачиваюсь.

– Стэф! Я с тобой разговариваю. Стой!

Перешагиваю несколько ступеней сразу.

– Ты ведешь себя отвратительно! – рычит мне в спину Сара, еле поспевая за мной. – Нам нужно поговорить. Я знала, что так будет.

Хара,* я тоже!

Сдерживаюсь.

Собачиться при родителях – долбаное, мать его, неуважение, но я придурок, раз считал, что нас это обойдет стороной!

Вхожу в свою комнату. Сара влетает следом.

И как только за ней закрывается дверь, я оборачиваюсь, складывая руки на груди.

– Эта Джулия... – тут же начинает шипеть Сара. – Ты мне соврал: она тебе не кузина. Теперь мне все понятно. Поэтому ты не хотел меня брать с собой. – Она зеркалит мои действие и встает напротив меня.

Ее глаза горят. Она сама горит и готова взорваться.

Я же... я сдерживаюсь.

Леазаэль**, я и не думал, что «моя болезнь» из прошлого под названием «Филатова Юлия» устроит мне проблемы практически с того самого момента, как я переступлю порог своего дома! Я знал, что мы с ней увидимся, но не представлял, насколько скоро и при каких обстоятельствах. Моя детская болезнь ворвалась в комнату тем самым смерчем, каким раньше крушила деревянные бруски и мои юношеские чувства.

Мы не виделись шесть лет, и я бы предпочел не видеть ее столько же.

Возбужденная, приветливая до тошноты – она всем видом кричала, как рада меня была видеть, ну а я... Моя болезнь излечилась, и я был уверен, что не почувствую ничего. Ничего.

Это было так давно, что я успел ее забыть. Я заставил себя ее забыть, вырвав из памяти каждую улыбку, игривый смех, голос и каждую черточку на ее лице. Я не думал о ней чертовых лет пять, а если и думал, то примерно так же, как о любом своем однокласснике.

К слову, я и собирался общаться с ней на свадьбе сестры как с одноклассницей.

Но Юлия Филатова всегда отличалась непредсказуемостью и накинула мне говна на вентилятор сразу, как только появилась в поле моего зрения.

Я не собирался вести себя с ней, как дерьмо, но повёл.

Потому что Сара, после того как пунцовая Филатова вылетела за дверь, устроила то, чем планомерно занималась в последние два месяца: вынесла мне мозг с тщательной изощренностью.

Я очуметь какой терпеливый! Я сам себе удивляюсь, и мне кажется, что последние два месяца я терплю Сару и ее нездоровую ревность.

Она ревнует меня ко всему, что пишется в женском роде. Она считает, что я трахаюсь с каждой пациенткой, которую веду в медцентре у деда и его брата Натана.

Несколько дней назад Сара сказала, что я выбрал специализацию пластического хирурга только ради того, чтобы тискать бабские сиськи, а каждая наша встреча стала начинаться с её слов: «Сколько сисек ты облапал сегодня?»

Когда я на работе, для меня женская грудь – это молочные железы, выделяющие грудное молоко для вскармливания младенцев, а пластический хирург – это не только про увеличение сисек. И как бы я ни старался донести до нее эту информацию, с аргументом «Если ты познакомился во время приёма со мной, почему ты не можешь сделать этого с другой?», мне с каждым разом становится сложнее спорить с ней.

С Сарой мы познакомились полгода назад, на приеме у деда Натана, которому я ассистировал и у которого уже полтора года как подрабатываю, набираясь врачебного опыта. У него же я планирую проходить годовую стажировку.

Шесть месяцев я встречаюсь с девушкой, которую четыре первых месяца трахал я, а последние два – она меня. Точнее, мой мозг.

Сара пришла на консультацию по исправлению носовой перегородки. Она хотела убрать горбинку, которая тогда мне показалась очень милой. Мои младшие братья сами не в курсе того, насколько близки оказались к истине, когда неудачно прикальнулись над ней. И если бы за столом я рассказал, при каких конкретно условиях мы познакомились с моей девушкой, очередного троллинга избежать бы не удалось.

Проржавшись внутри, я сберег Сару репутацию.

Ее горбинка – то, что делает Сару уникальной.

Я до сих пор считаю ее милой – горбинку, не Сару. Милота и Сара – понятия несовместимые, но понял я это позже, когда Сара решила познакомить меня со своими родителями, считая, что у нас – рука об руку прямо до гроба.

Если бы моя сестра Софья знала иврит, думаю, они бы неплохо спелись. Они похожи характерами. Но, увы, Софи не в её команде. Это я понял ещё на пороге дома, когда сестра после того, как я представил Сару как свою девушку, мерзко скривила физиономию.

Моя мама сделала примерно так же, но с толикой удивления и снисхождения в то время, как любимый сын зажал её в крепких объятиях, а отец... Отец – мировой мужик, хотя даже в его выгнутой брови я прочитал изумление. Оно и понятно: месяц назад родители приезжали ко мне в Тель-Авив

на вручение диплома, и о Саре даже близко никто не знал.

То, что я в отношениях полгода, не знал никто. И Сара тоже не подозревала того, что наши скудные встречи в течение недели не результат моей дикой занятости в медцентре, а всего лишь приезд моих родителей.

Я не так часто их вижу. Да что говорить – мы видимся редко, и ту неделю, во время которой они были в Израиле, я жадно хотел провести с ними. С семьей.

Я не стал знакомить Сару с родителями, черт его знает, почему. Но так чувствовал.

Не готов, не уверен, побоялся – хрен поймешь! Может, всё вместе.

Но на воре, как говорится, и шапка горит. Когда мы с мамой обедали в не самом популярном заведении Тель-Авива, каким-то немыслимым образом нас увидела Сара. Я не знаю кого мне благодарить, но разбор полетов моя девушка устроила не в ресторане, а в моей съемной квартире.

Тогда мы впервые сильно поругались. Тогда мое терпение начало давать течь.

Сара бросала в меня посуду, которая даже не моя, а хозяйки квартиры. Она орала о том, что я кобель и мерзавец, а также изменщик. Когда я признался, что та «старая шлюха» – моя мать, Сара осталась верной себе, заменив «кобеля» на «лжеца», а «изменщика» – на «подонка». Короче, при любом раскладе я остался мерзавцем.

Три дня назад мы вновь поругались.

Я уладил все дела со стажировкой и освободился раньше, чем планировал. В тот же день я купил билет в Россию, решив провести выпавшие свободные дни с семьей.

Вечером я сказал об этом Саре, на что получил версию того, что мой скорый отъезд – повод скорее смыться и начать изменять ей прямо на борту самолета.

Сара уверена, что я приехал не на свадьбу к сестре, а для того, чтобы поиметь всё, что движется.

Мы ругались до тех пор, пока я не купил ей билет. Даже мои доводы о том, что иврит кроме мамы в моей семье не знает никто и ей будет попросту некомфортно, Сару не остановили.

Сару не остановили мои предостережения от того, что моя семья не чета ее, в которой мне выдалось однажды побывать. В еврейской семье моей девушки чтут национальные традиции, правила поведения и воспитания, дипломатично и спокойно решая вопросы. В моей семье по-другому: мы шумим, перебиваем друг друга, у нас устоявшийся сложившийся юмор и общение между собой, в котором не каждому может быть уютно. Но держать меня за яйца Саре оказалось важнее собственного комфорта.

Я купил ей билет. А после у нас был охрененный секс.

– Она кузина, – в который раз подтверждаю свои слова, сказанные Саре в комнате. Чтобы сберечь нервные клетки Саре и себе, мне пришлось назвать бывшую подругу детства дальней родственницей, с которой мы общались в последний

раз сотню лет назад.

Я говорю на несколько тонов тише, давая своей девушке понять, что и в моем доме неплохо бы уважать хозяев.

– Она не смотрит на тебя как родственника! – ядовито выплевывает Сара. – Она пялится на тебя! – Тычет пальцем мне в грудь.

Примерно что-то похожее от нее я слышал во время дороги сюда. Как только мы сели в самолет, Сара обвинила каждую стюардессу в том, что из двухсот пятидесяти человек на борту они не сводят глаз только с меня.

Два утомительных перелёта Сара насильовала мой мозг, и неудивительно, что, оказавшись дома, в знакомой, комфортной мне обстановке, я, черт возьми, позволил себе расслабиться.

– Сара, потише, – прошу сдержанно.

– То есть ты не отрицаешь, что она на тебя пялится?! Ты поэтому меня не хотел брать?! Из-за нее?! У вас что-то есть?!

Сила воли... выдержка... терпение, мать твою! Я призываю всё это, надеясь стать хорошим врачом, поэтому не позволяю себе грубить Саре.

– Я ничего подобного не заметил.

Я заметил. Еще как заметил!

Какими непонимающими и ангельскими глазами смотрела на меня моя «детская болезнь»! Но я, как никто другой, знаю, как этот ангел умеет проезжаться катком по мужским

йцам.

Она так театрально и будто бы искренне была оскорблена моим равнодушием, что хочется спросить: «А не ты ли меня сама об этом просила?» Но я не спрошу, потому что сейчас мне это нахрен не нужно.

Сара обреченно прикрывает глаза, а затем, резко их распахнув, цедит сквозь стиснутые губы:

– Я повторяю еще раз: у вас что-то есть?

Захнах!***

Моя башка начинает раскалываться. Я дико устал с дороги, но моя девушка считает иначе.

– Сара, мы встречаемся полгода! – Я повышаю голос, но не так, чтобы она смогла упрекнуть меня в том, что я на нее ору. – Я разве хотя бы раз давал тебе повод считать, что где-то на расстоянии, да и вообще, у меня кто-то есть?!

Я не знаю, как донести до нее эту истину!

Я никогда не изменял Саре. У меня даже в мыслях такого не было.

Я совершенно не тот, кто будет левачить, но, зараза, в такие моменты, как сегодня, у меня в башке звенит и требует сходить налево! Ну, чтобы ее обвинения хотя бы были не напрасными!

Я, конечно, утрирую: я не мудила.

Я вырос в многодетной семье, где мой отец – яркий показатель отношения к своей половине, при том, что моя мать не самая удобная женщина.

Сара – мои первые серьезные отношения, и вводить в них традицию с леваками я не собираюсь.

– Ты делаешь это постоянно! Ты скрыл от меня приезд твоих родителей! – перечисляет Сара. – Ты и сюда меня не собирался брать. Тебе плевать на меня, – Ее губы начинают подрагивать, и это говорит о том, что в скором времени она будет реветь. Истерить, будто умер ее близкий родственник, причитая на иврите так, как умеют это делать чистокровные евреи. – Меня комары искушали, а тебе до фонаря, что у твоей девушки огромные волдыри! – возмущенно всхлипывает она.

О, хара!

Я всплёскиваю руками и поднимаю лицо к потолку.

Немыслимо!

Перед тем, как спуститься к ужину, я доступно объяснил своей девушке, что вечера в наших краях не настолько комфортны, как в Тель-Авиве. Я предложил ей спрей – Сара фыркнула. Какие ко мне теперь претензии?!

– Сара, я не хочу ругаться, – достаточно спокойно, но твердо сообщаю я и ухожу в ванную.

Я, правда, не хочу с ней ругаться. За два месяца я понял: лучше смолчать и отступить. Сара эмоциональна, но и быстро отходит.

Моя голова трещит, и мне до ломоты в костях хочется смыть с себя этот резиновый день, в котором было много всего намешено. У меня не было времени его обмозговать,

и ночью я этим заниматься не буду тоже.

Я хочу спать.

Включаю душ и встаю под прохладную воду.

Закрываю глаза, позволяя воде смыть с себя напряжение и физическую усталость.

Я слышу, как закрывается дверь, поворачиваюсь на звук и вижу Сару, абсолютно обнаженную.

Скольжу по ее изящной фигуре, которую знаю, как свои пять пальцев.

Сара компактна и сексуальна: маленькая грудь, плоский живот и узкие бедра.

Я наблюдаю, как моя девушка с особой оточенной грацией всплывает ко мне в душевую кабинку, и на ее лице, кроме предвкушения скорейшего удовольствия, нет ни намека на то, что минутой ранее она прессовала меня своей ревностью.

Я отступаю, давая Саре встать под душ. Ее острые соски царапают мне грудь. Она поднимает руку и пробегается пальчиками по моему животу.

Я вздрагиваю. Везде. Слежу за тем, как порочно Сара облизывает губы. Знаю, что это означает, и наблюдаю за тем, как она опускается передо мной на колени.

Смотрит снизу вверх преданными глазами. Они сейчас доверчивые и искренние, такие, как тогда, когда впервые я увидел ее на приеме – сомневающуюся и робкую.

Улыбаюсь ей. Провожу указательным пальцем по горбинке ее носа. Очерчиваю губы, отчего Сара прикрывает глаза.

В тот день я запретил ей что-либо менять в себе.

Я вообще против вмешательства в то, что даровано нам природой. И если нет основательных медицинских показателей к пластике, я считаю все эти следования модным трендам и погоню за «канонами красоты» пустым и глупым занятием.

Знаю, что в дальнейшем мой основной заработок будет складываться как раз из этого, но я не поощряю. Как мужчина я не поощряю, и мне плевать, какого размера у моей девушки грудь, если она мне нравится. А Сара мне нравится.

– Тебе точно она безразлична? – умоляюще шепчет она.

Черт!

– Да, – отвечаю твердо.

Зарываюсь Саре в волосы и сжимаю их в кулаке, когда чувствую, как на мой член опускаются ее горячие губы.

Утыкаюсь одной рукой в кафель и закрываю глаза, под веками которых вижу длинные пшеничные волосы и кристально-голубые глаза.

Хара...

**хара – с иврита ругательство по типу «дерьмо».*

***Леазазэль! – Черт! (с иврита)*

****захнах – ругательство на иврите (бл*ть)*

Глава 8. Степан

Втягиваю в дом два чемодана со шмотками младшей сестры. Еще два прикатит отец. Он во дворе загоняет тачку в гараж.

Когда мы ждали багажа Ди, я не думал, что половина курсирующих на ленте баулов принадлежит моей сестре.

На вопрос, для чего ей столько вещей, если она прилетела всего на неделю, Диана ответила в свойственной ей манере: «Я что, должна каждый день ходить в одном и том же? И не завидуй так громко!».

Закрываю за нами дверь и смотрю на сестру, падающую на пуф в прихожей.

– Ну и жара! Чокнуться можно! – Ди стягивает с головы шляпу и бросает ее на пол.

В аэропорту, куда мы поехали вдвоем с отцом, чтобы встретить Ди, я долго ржал над ее головным убором.

Из гейта Ди выплыла так, что под полями ее шляпы уместились два корейца, выходящие следом, а внимание всех встречающих и провожающих аэропорта мгновенно переключилось на сестру, поскольку в нашем небольшом южном городке так не ходят.

Но Диане, конечно же, до звезды.

– М-м-м... – Сестра втягивает носом ароматы, донося-

щиеся из кухни, и сбрасывает босоножки на бесконечной шпильке. – Пахнет фирменной игнатовской курицей, – хохотнув, заключает Ди.

Так оно так и есть. С раннего утра все на ушах: принцесса же должна приехать!

Мать даже близнецов припахала помогать готовить, и Сара тоже должна была. По крайней мере, я оставил ее с матерью, потому что они хотя бы как-то контактируют на иврите.

– Дочка! Приехали! – появляется мама.

Дианка влетает в раскинутые руки мамы, а я смотрю и поражаюсь: когда моя младшая сестренка успела так повзрослеть? Ди девятнадцать, и я больше не вижу в ней той мелкой щекастой рыжей девчонки, строившей по стойке «смирно» всю нашу семью. Я вижу взрослую, яркую кудрявую девушку, строящую по стойке «смирно» любого, попавшего в зону её очарования.

Они с мамой раскачиваются из стороны в сторону, как подруги. Они абсолютно не похожи друг на друга. Ди вообще ни на кого не похожа в нашей семье, но мама рассказывала, что ее еврейская бабушка по отцовской линии была рыжей.

– Герман, малыш, привет! – Через плечо мамы Диана замечает еле выползающего на брюхе бульдога, но, услышав голос сестры, срывается с места с такой скоростью, что оставляет после себя следы, как от жженных покрышек. Никогда не видел, чтобы Герман так бегал. – Что это с ним? – хмурится Ди и поворачивается ко мне.

А я... Я ржу.

Год назад Ди случайным образом забыла бедолагу в погребке (я как раз приезжал на летние каникулы). Парень просидел в темноте и холоде несколько часов, и, думаю, после этого его психика слегка пошатнулась.

Следом за Германом из кухни вываливаются близнецы.

– Полундра! Сушите весла! Диана приехала! – ржет... кажется, Пашка.

– Шухер, пацаны, сейчас рванет! – поддерживает его второй.

– Я культурно и вежливо прошу вас обоих исчезнуть из поля моего зрения, – закатывает глаза Ди, а затем обращается к матери: – Мам, ты чем их кормила? Дрожжами?

– Чем удобряли, то и выросло. – Улыбаясь, мама игриво пожимает плечами.

– Жесть! – брезгливо морщится Ди. – Их же не прокормишь!

– Э-э-э!!! Мы – два растущих организма! – возмущаются близнецы.

– Вы – два растущих дебилизма! – фыркает Ди, а мама обречённо качает головой.

Ну, началось!

У близнецов и Дианы три года разницы в возрасте, и всё детство прошло в их вечных препирательствах. Но пацанов двое, а Ди одна, однако это не мешало ей давать просрать обоим.

В принципе, у нас с Софи было так же, но я уступал сестре.

– Мам, заметь, она первая начала! – жалуется Мишка.

– Диан, а ты корону привезла? – подкалывает сестру Павел.

– Она всегда на мне. – Ди делает движения руками над головой, словно поправляет корону, и высокомерно задирает подбородок.

Но в данном случае к сестренке не подкопаешься. В восемнадцать лет она получила титул «Мисс Поволжья». После этого Ди заключила контракты с модельным агентством и брендовым салоном одежды в Москве, став их эксклюзивным амбассадором. Сегодняшняя жизнь сестры – это постоянные перелеты, фотовспышки, позирования, локации и восхищенное внимание — короче, то, к чему Принцесса привыкла с детства.

– Дашь погонять? – хохочет Пашок.

– Облупишься! Закатай губу!

– Диана, мальчики, перестаньте! – шутливо сокрушается ма.

– Ты не настолько красивая, чтобы так хамить. – Близнецы отбивают друг другу «пятюню».

Диана кривится.

– О ваше чувство юмора можно порезаться! – парирует Ди. – Ладно, засранцы, идите сюда! – И расправляет руки, в которые близнецы мгновенно влетают.

Дианка заливисто визжит, когда братья начинают подбрасывать сестру.

– Что здесь происходит? – Сонька замирает на лестнице, а затем, увидев нашу компанию во главе с Принцессой, срысывается вниз галопом. – Дианка!

Девчонки обнимаются и расцеловывают друг друга в щеки. Близнецы присоединяются к ним, и, образовав кольцо, мои братья и сёстры утыкаются лбами, весело щебеча.

Оборачиваюсь, наблюдая за тем, как с отца стекает три пота, когда он вкатывает чемоданы Ди.

Взглянув на своих дуркующих взрослых детей, отец мягко улыбается и подходит к маме, обнимая за талию.

Не сдерживаюсь, подхожу и заключаю обоих в объятия.

Черт! Мне так кайфово! Как же я скучал по этому игнатовскому семейному идиотизму и теплу.

В Израиле мне начало казаться, что я очерствел, а оказалось, мне просто нужно было вернуться домой. Иногда нужно вернуться домой...

– Разве в семье был еще один ребенок? – Диана смотрит поверх головы Сони.

Мы все замолкаем и прослеживаем за ее взглядом, который обращен на переминающуюся у лестницы Сару.

Я отрываюсь от родителей и подхожу к своей девушке, с которой за эти дни у нас образовалось перемирие. А все потому, что эти дни я проводил время с ней: мы покатались на речном трамвайчике, я познакомил ее с нашим городом

и свозил на байк-шоу, но самое главное – основной раздражитель Сары и мой личный кошмар уже несколько дней не появлялся в нашем доме. Не скажу, что меня это корежит, но, зараза, злит, когда, занимаясь сексом с одной, я, захнах, кончаю с другой!

За это я чувствую вину перед Сарой.

Беру девушку за руку и заглядываю в её лицо. Оно еще бледное, но уже не зеленое.

В этом я виноват тоже.

Позавчера траванул свою девушку арбузом, который взял, как сказала мать, в «непроверенном месте».

Мне-то пофиг, я – как мясорубка, а Саре досталось.

– Диан, моя девушка Сара. – И пока у Ди от удивления вытекают глаза, на иврите представляю Саре свою младшую сестру.

– Девушка? А с Юлькой че? – брякает Ди: язык у нее без костей.

Твою же мать!

Вся легкость, возникшая минутой ранее, улетучивается мгновенно, образуя в груди вместо себя черную дыру.

– Диана, – пихает ее в плечо мама и смотрит осуждающе.

– Приятно познакомиться! (1) – машет сестре Сара.

– Хай! – натянуто улыбается Ди и смотрит на меня так, что я понимаю: с Дианой Саре не светит тоже.

(1)

Сара говорит на иврите

Глава 9. Юлия

– И какая у нас программа? – спрашивает Софи, прикладывая к груди белый топ на атласной шнуровке спереди. Подруга крутится у зеркала, а Ди копается в океане барахла, которое она вывалила на ковер в своей комнате.

Я сижу рядом и поочерёдно смотрю на девчонок.

– Держи. – Откопав точно такой же топ, как у Софьи, Ди бросает его мне. – Это твой. В шесть за нами заедет джип. – Диана закусывает губу и продолжает рыться в куче шмоток. – Блин! А где мой? – раздражается.

Она привезла нам троим одинаковые белые топы, в которых мы планируем пойти на девичник. Вещи брендовые, и Ди сказала, что они для нее ничего не стоили, может быть, поэтому она так легко ими разбрасывается.

Расправляю свой топ на коленях и прохожусь пальцами по шнуровке. Ощущения приятные, и, глядя на Софи, которая успела натянуть его прямо поверх футболки, я понимаю, что смотреться на голом теле они будут сексуально.

Я не знаю, как насчет Сони, но думаю, эта вещь не станет поводом для их разлада с Богданом, поскольку топ ну очень провокационный. Я сама не уверена, что готова его надеть, но об этой неуверенности боюсь даже заикнуться перед Дианой.

– Круто! Джип с открытым верхом? – восхищается Софья и, получив кивок от Ди, подлетает к нам, усаживаясь рядом. – А что еще у тебя тут есть? – заинтересованно начинает шурудить в Дианкиных вещах.

– Не знаю. Посмотри. Если что понравится, можешь забрать себе, – беспечно отзывается Ди. Она такая. При своем эгоцентризме эта девчонка настолько щедра, что вполне способна отдать последние трусы. – Кстати, пункт отправления отсюда, так что позвони своим подружкам и скажи, чтобы к шести были здесь. Без опозданий, – по-учительски наказывает Ди. – Сколько нас вообще будет? – уточняет она.

Понятия не имею, каким образом на расстоянии ей удалось организовать наш сегодняшний девичник. У Ди воистину вездесущая длинная рука!

– Пятеро, – на автомате отвечает София, вытягивая из кургана вещей что-то непонятное. – О! А это что такое? – Подруга крутит в руках... кажется, женские трусы.

– Можешь забрать себе! – начинает хохотать Ди. – Гляди, здесь карманчик имеется! – Дианка расправляет труселя, отчего нам с Софи действительно становится виден большой карман, пришитый к переднему месту. – Можно, как вариант, презерватив туда положить! На сегодняшний девичник! О! Или лучше надень их на свадьбу, а потом спрячешь туда деньги, которые вам подарят! – Дианка заваливается на бок и сотрясается от смеха.

Смеюсь вместе с девчонками.

– Фу! – морщится Софи и брезгливо отбрасывает тряпку. – Они хотя бы чистые?

– Обижаешь! – хмурится Ди и выпячивает нижнюю губу. – На показе нижнего белья с манекена стянула.

– Боюсь представить, как ты это делала! – Соня закатывает глаза. – Так, ладно, с машиной я поняла. А дальше что? Ой, я забыла! – вдруг ее осеняет. – Нас шестеро. Сару забыли, – морщится.

– Сочувствую, – поджигает губы Ди, и это выглядит так искренне, что они с Сонькой в один голос начинают хохотать. – Не понимаю ее, – продолжает она, – согласиться пойти на девичник, не зная ни языка, ни нас толком, глупо. Откуда она вообще взялась? – обращается Ди к Софи, задавая точно такой же вопрос, как недавно Софи мне.

– Они на приеме познакомились! – фыркает подруга. – Еще и маман мне ее с собой подсуропила! – гневается она.

Я не знаю, почему девчонки так сразу невзлюбили Сару. Может, она вообще скоро станет их родственницей, когда мой бывший друг детства на ней женится. И неплохо было бы с ней подружиться.

Лично у меня нет к ней неприязни. В первый день нашего знакомства, не скрою, была, но дома, успокоившись и разложив всё по полочкам, я поняла, что у меня не должно быть вопросов конкретно к ней. Вопросы у меня имеются к ее парню, ответы на которые мне найти не удалось. Его поведение, его слова и вложенная в руку конфета все эти дни не давали

мне покоя, доводя до закипания.

Я зла на него. Я даже сочувствую Саре, что ее парень такой грубиян и ... дурак. Да!

Я вообще не хотела больше сюда приходить и его видеть, и, если бы не приезд Ди и наша сходка конкретно здесь, я бы не ступила сюда ни ногой – по крайней мере, до его отъезда.

Я буду вести себя с ним так же, а именно – никак. Игнорировать. И пусть скажет спасибо: я два дня пыхла над браслетом для его девушки, чтобы Сара не чувствовала себя ущемленной.

– Ладно, забудь про нее. Так что там дальше по расписанию после катания на джипе? – воодушевленно интересуется София, примеряя супер-узкие лаковые брюки Ди. – Какая пошлятина! – морщится и отбрасывает штаны в сторону.

– Мы покатаемся, поорем песни, пофоткаемся, а потом... – Дианка понижает голос и прищурено смотрит на нас. – Не скажу! – смеется она. – Это будет мой подарок для тебя, сестренка!

– Что-то мне волнительно! – кривится Соня. – Диан, только без стриптизёров и их эротических танцев, пожалуйста!

– Положись на меня, сис! – заверяет ее Диана.

– Это и пугает.

Обожаю их! Обожаю этих девчонок, и я вновь чувствую укол тоски в сердце. После свадьбы Соня уедет жить в Сочи. Там у Богдана живет отец, которому нужен помощник. У них гостиничный бизнес. А Соня и Бо учились в одной груп-

пе на «Сервис и туризм» и хотят вместе попробовать себя в специальности.

Соня легка на подъем. А я ... я близка с мамой.

Я вообще не знаю, как можно уехать из дома.

Я не смогу, никогда!

Мы с мамой – подружки. С папой – друзья. Ну как я могу их оставить?!

Мой старший брат Никита с женой и сыном живет в Штатах.

После того как на Олимпиаде он получил свою последнюю бронзовую медаль, брат остался в Америке на ПМЖ.

Его жена – американка, а сын Килиан не знает русского языка. И это печально.

Когда мы ездили к ним в гости больше двух лет назад, мальчик косился на моих родителей, не понимая, кто такие «бабушка» и «дедушка». Сейчас, думаю, он даже и не вспоминает о них.

Мы видимся редко, и Никитка не особо горит желанием навещать родителей. А если уеду и я, они останутся одни.

Нет, я не смогу! Я слишком люблю их.

– Черт! Девчонки, уже четыре! Надо собираться! – Взволнованная Соня вскакивает с места. – Так, я пойду искать маму, чтобы она нас накрасила, и предупрежу Сару, чтобы начинала собираться. – На последней фразе Соня глумится так, словно ее сейчас стошнит.

Подруга убегает, оставляя нас с Ди вдвоем.

Мы молчим, и я чувствую на себе ее внимательный взгляд. Она не скрывает его, прогуливаясь по моему лицу кошачьей грациозной поступью.

– Что? – выгибаю бровь.

– Софи сказала, что вы с моим братом поругались.

Серьезно?! Она так сказала?!

Боже! Мы не ругались! Он всего лишь оказался самодуром, вот и всё!

– Нет, – пожимаю плечами, придавая своему виду как можно больше беспечности и равнодушия, но внутри меня начинает колбасить. Как только я думаю о Стёпе, меня начинаем бомбить.

Диана усмехается и прищуривается, прикусив губу. Блуждает по мне взглядом, отчего я хочу закрыть лицо ладонями. Она словно читает меня или пытается прочесть.

– Я была уверена, что Стёпыча до сих пор по тебе коматозит, – спустя пару секунд выдает она.

Я вспыхиваю. Смотрю на подругу упрямо и молча. Я не собираюсь комментировать эту ерунду. Иногда Ди бывает чрезмерно прямолинейна.

Но в конце концов не выдерживаю, задавая совершенно идиотский вопрос:

– С чего бы?

– Ой, да брось, Фил! Все вокруг знали о нежных чувствах моего брата к тебе. Я не открыла Америку!

– Мы дружили! – раздражаюсь и решаю напомнить.

– Ну это ты дружила, – усмехается Ди. – Между прочим, друзья не целуются. – И смотрит так, будто уличила меня во лжи.

Я покрываюсь испариной и краской.

Собираюсь возразить, но я настолько парализована обна-
родованной так запросто информацией Ди, что сама себя тем
самым выдаю.

Откуда она знает?

–Я вас видела. Мне было одиннадцать, и я уже была спо-
собна отличить поцелуй от носорога.

Иногда Ди нарушает личные границы. Сейчас как раз тот
случай.

И хоть я и понимаю, что она не со зла и без задней мыс-
ли, но была уверенна, что тот единственный случай остался
только между мной и Степаном.

Мы были в доме втроем: я, он и мелкая Дианка, которая
тусовалась в своей комнате.

По обыкновению, мы дурачились на кухне.

Степка вообще был любителем с чем-нибудь заморочить-
ся. Не знаю, как сейчас, но нас, девочек, он частенько бало-
вал блюдами собственного изобретения, и большинство из
них были съедобными.

Мы смотрели фильм и решили наварганить горячих бу-
тербродов. Смеялись, подшучивали друг над другом, а по-
том ни с того ни с сего Степка меня поцеловал. Это было так
неожиданно и непонятно, потому что до этого в свои шест-

надцать я ни разу не целовалась. То случившееся и поцелуем-то было сложно назвать: друг просто припал к моим сжатым губам и замер, глядя в глаза. Кажется, что мы простояли так целую вечность, пока моя голова начала внятно соображать, а пол под ногами перестал шататься.

Я отпрянула и провела пальцами по губам, ощущая, как они горят.

– Зачем ты это сделал? – сиплым шепотом спросила я.

– Захотел, – капризно ответил он.

– Не делай так больше.

– Хорошо, – согласился он и действительно больше не делал. Никогда. Но я все равно была на него зла, потому что мой первый поцелуй украл лучший друг, а я хотела вручить его тому, кто меня любит. Я была наивна. и немного романтична, как все девочки того возраста.

Но да, я не буду скрывать: я чувствовала симпатию Стёпы, и она мне нравилась. Девочкам всегда льстит мужское внимание, даже если оно и не нужно, и мы не собираемся на него отвечать. Так работает наша природная женственность. Я всегда относилась к Стёпе как к другу.

Не спорю, иногда наше баловство выходило за рамки: когда я чувствовала на себе будто случайные прикосновения Стёпы, во время щекоток – его горячее частое дыхание, ощущала оголтелое сердцебиение, когда, обнявшись, мы смотрели фильмы. Но это было так давно, так мило и по-детски наивно! Не мог же парень все шесть лет испытывать симпатию

к подруге детства, это же глупо! И совершенно нормально, что у него есть девушка.

Я открываю рот, чтобы объяснить Диане, что тот поцелуй – глупая детская шутка, но не успеваю, потому что в комнату стучат.

– Вы одеты? – раздается за дверью голос одного из близнецов.

– Че надо?! – орет им в ответ Ди, странно поглядывая на меня. Так она смотрела в детстве, когда в ее безумной голове рождалась очередная бредовая идея, после которой, как сказали бы близнецы, кому-то наступала «кабзда».

– Мы входим! – оповещают парни и вваливаются в комнату. – Что делаете? – Они оглядывают нас и кучу разбросанных вещей. – Нам скучно.

– Парни, сделайте фокус – растворитесь в воздухе, а?! – парирует Ди.

– Как смешно! – Один из близнецов морщится. – Ух ты, а это что? – Он замечает те самые трусы с карманом, брошенные на пол. Поднимает, вглядывается. – Это карман?

– Да! Забери себе! Будешь складывать туда что-нибудь остроумное! – выдает Диана.

Второй близнец начинает громко ржать, за что получает от брата натянутые на голову брендовые труселя!

Глава 10. Юлия

– Красавицы! – Агата с умилением нас осматривает. – Ой, девочки, вы сейчас втроем так похожи на меня, Александру и мою давнюю институтскую подругу в день нашего с Леоном Борисовичем развода: светленькая, темненькая и рыжая!

Софья, пытающаяся пристроить заколку-цветок на уложенные набок волосы, начинает сдавленно кашлять.

– Спасибо, мам! – бурчит она. – Это мило, с учётом того, что у меня впереди маячит свадьба, ага! Ты умеешь ободрить!

Дианка, взбивающая свои пышные кудрявые рыжие волосы у зеркала, улыбается, ну а я переминаюсь с ноги на ногу, периодически оттягивая мега-короткие джинсовые шорты, и стараюсь дышать. Делать это чертовски сложно, когда топ-корсет стянут так, что я ощущаю себя инвалидом: не могу пошевелиться и набрать в легкие воздух.

Это всё Ди. Она меня шнуровала, приговаривая, что прятать мои «девьяностые достоинства» чрезвычайно для них оскорбительно. Я не знаю, каково им, но мне жутко некомфортно. Я, словно голая, но успокаивает одно: мои длинные волосы, слегка подкрученные на концах, могут служить плащом, если я почувствую свой предел. Но, кажется, я уже его чувствую, когда Дианка скользит по моим оголенным ногам:

– Тебе надо было в модели идти, а не прятать такие ноги в холодильнике. – Это она намекает на мой цветочный салон, где температура поддерживается на уровне не более десяти градусов и где я работаю в основном в брюках. Подобную фразу я слышу с детства и устала доказывать и объяснять всем, что, во-первых, мне нравится то, чем я занимаюсь, во-вторых, мой рост не гордость, а недостаток, а, в-третьих, ну какая из меня модель, когда я скукоживаюсь при излишнем внимании посторонних к себе? – Девочки... – Диана вглядывается в экран телефона. —Карета подана! На выход, леди!

– Я провожу! Хочу посмотреть на вас! – Тетя Агата вскакивает с места.

Первой из комнаты Сони выходит Ди, следом – виновница нашего собрания, за ней я, а Агата замыкает нашу демонстрацию.

Она, скорее всего права: мы выглядим ярко и броско, и у меня вновь начинает сосать под ложечкой, потому что такое положение вещей говорит о том, что внимание окружающих нам сегодня обеспечено.

Ради Софи я его вытерплю. Хочу, чтобы у подруги остались приятные воспоминания об этом дне. Скоро настанут будни, когда я буду скулить и страдать, вспоминая такие моменты, поэтому, растянув губы в улыбке, мы гуськом идем к лестнице.

Его я замечаю поверх голов девчонок. Это не сложно с учетом моего роста.

Он и Сара стоят внизу напротив друг друга. Сложив руки на груди, Игнатов беседует со своей девушкой, которая слушает его, открыв рот.

Волна негодования, обиды и злости поднимается от стоп, распространяется по голым ногам, взмывает вверх и концентрируется в груди.

Хочу опустить глаза и смотреть исключительно себе под ноги, чтобы не слететь кубарем с лестницы и не видеть его в принципе.

Но... к черту!

Я буду делать то, что решила: попросту игнорировать его, а не чувствовать себя безропотной овечкой на заклании.

Наш синхронный топот обращает на себя внимание, но из четырех пар глаз Игнатов находит мои.

Я не отведу! Не отведу!

Мне нечего прятать, и чувствовать себя виноватой тоже не в чем. Это он оказался бесчувственным дровосеком!

Его взгляд становится внимательнее, словно он пытается меня вспомнить или узнать. Я не знаю, но он не отпускает меня до первой ступени. Кружит по моему лицу острым, как бритва, взглядом, и меня это... мамочки, меня подбивает! Подстегивает делать то, что я делала в детстве: намеренно провоцировать, дразнить, чтобы получить как можно больше его эмоций. Расправляю плечи, чтобы гордо внести себя в люди, но Сара, обхватив лицо своего парня ладонями, поворачивает его голову к себе и обрубает мои смешные поту-

ги в зачатке.

И я сдуваюсь, теряя этот контакт, этот фитиль, разжигающий во мне желание быть заметной и раскрепощённой. Обнимаю себя руками, пряча под ними то, чем, по мнению, Дианы, стоит гордиться.

– Танька и Даша на улице, – оповещает Софи, – ждут нас.

– Тогда не будем терять времени, – отзывается Ди, перебрасывая через голову цепочку микроскопической сумочки.

– Воу-воу! – оборачиваюсь на голос одного из близнецов. Скрестив на груди руки, то ли Паша, то ли Миша, где-то потеряв второго, что несказанно странно, потому что эти двое ходят как приклеенные, окидывает нас горящим взглядом. – Вы че, на кастинг в дом терпимости собрались?

– Павел! – охает Агата. Все-таки Павел. – Прикрой рот! Немыслимо! Что ты себе позволяешь?! – возмущается она и пытается дотянуться до сына, чтобы отвесить тому воспитательный подзатыльник.

– Мам, – останавливает её Диана, касаясь руки, – смирись. Даже судьба делает ошибки. Одна из них – эти двое, – кивает на Пашку и подросшего к нему Михаила.

– Паразиты! Ну-ка, исчезли с глаз моих! – ругается Агата.

– Девочки, пойдёте! – поторапливает нас Ди.

– Диана! – гремит голос Степана, на который я реагирую, как собака Павлова. Смотрю на парня: он в шортах и очень летний, и можно было бы решить, что расслаблен, но его челюсти стиснуты, а желваки синхронно перекатываются на

скулах. – Я могу не беспокоиться за Сару? – прищуривается он.

– А почему ты спрашиваешь об этом меня? – удивляется Ди и непонимающе смотрит на брата. – Она взрослая девочка.

– Диана! – вновь предупреждающе гремит Игнатов.

– Да расслабься, бро! – Ди подходит к Саре и по-дружески берет ее под локоть.

А меня ... меня обуревают жгучее непонятное чувство! Заботится! Он о ней заботится! Волнуется! И меня это бесит! Он словно отдает нам ее на растерзание. Между прочим, на ее запястье красуется мой браслет, о котором я побеспокоилась.

– Всё с твоей евреечкой будет сказочно! Летс гоу, бэй-би?! – продолжает Ди и гаденько улыбается Саре, поглаживая ту по плечу, и утягивает к входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.